ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2019
XXVIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1769
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2019 № 1769

СОДЕРЖАНИЕ

2167-2174 Иван Козьмич Шамов (1845-1912) и его книга «Наши певчие птицы». Е. Э. ШЕРГАЛИН

2175-2188 Майские наблюдения за птицами на реке Белой (бассейн реки Пенжины, Парапольский дол). Ю. Ю. БЛОХИН

2189-2192 Сапсан *Falco peregrinus* в национальном парке «Берингия» и прилежащих территориях. А. В. КОСЯК, И. А. ЗАГРЕБИН

2193-2198 О некоторых принципах таксономии. Л. П. ТАТАРИНОВ

2198-2204 Находка гнездовой колонии камчатской крачки *Sterna camtschatica* в Ольской лагуне летом 2010 года. И. В. ДОРОГОЙ

2204-2208 Врановые птицы Пермского края и их взаимоотношения с пернатыми хищниками региона. А. И. ШЕПЕЛЬ

2208-2209 Первая встреча стайки усатых синиц *Panurus biarmicus* в Лотошинском рыбхозе (Московская область). В. П. АВДЕЕВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2019
Дата опубликования 23 апреля 2019

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVIII
Express-issue

2019 № 1769

CONTENTS

2167-2174 Ivan Kozmich Shamov (1845-1912) and his book «Our songbirds». E.E.SHERGALIN

2175-2188 May bird watching on the Belaya River (Penzhina River basin, Parapolsky Dol). Yu.Yu.BLOKHIN

2189-2192 The peregrine falcon *Falco peregrinus* in the Beringia National Park and adjacent territories. A.V.KOSYAK, I.A.ZAGREBIN

2193-2198 On some principles of taxonomy. L.P.TATARINOV

2198-2204 Finding a nesting colony of the Kamchatka tern *Sterna camtschatica* in the Ola Lagoon in the summer of 2010. I.V.DOROGOY

2204-2208 Corvids of the Perm Krai and their relations with the region's avian predators. A.I.SHEPEL

2208-2209 The first record of bearded reedling *Panurus biarmicus* flock in the Lotoshinsky fish farm (Moscow Oblast). V.P.AVDEEV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2019

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск ***1769****: 2167-2174*

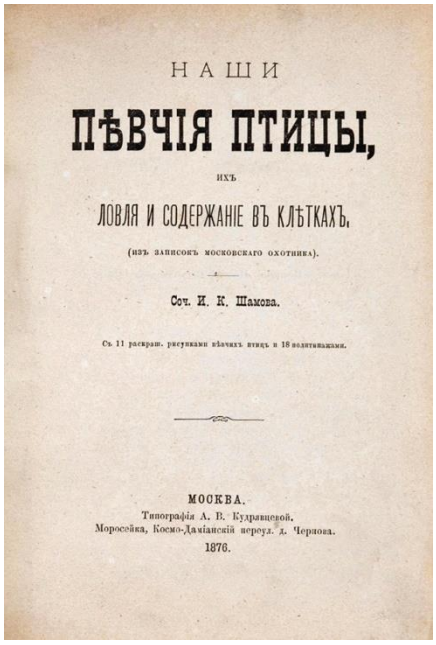
Иван Козьмич Шамов (1845-1912) и его книга «Наши певчие птицы»

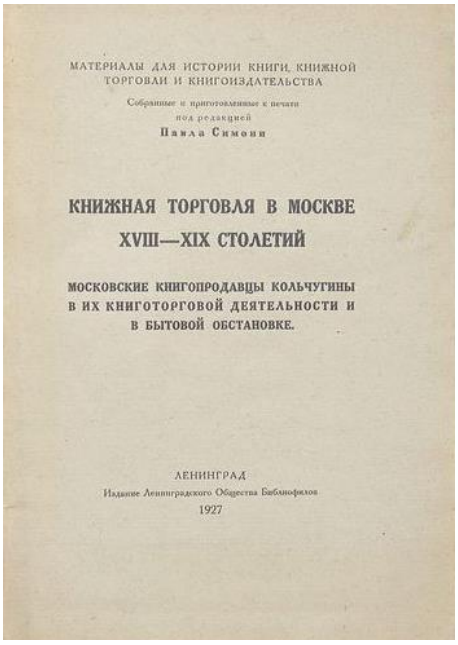
Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 2 февраля 2019

В 1876 году в Москве в типографии А.В.Кудрявцевой на Моросейке вышла книга Ивана Козьмича Шамова «Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках (из записок московского охотника)». Слово «охотник» тут имеет самое широкое значение, означающее человека, страстно чем-то увлечённого. В последующие тридцать лет эта книга выдержала несколько переизданий, третье вышло в 1910 году. Став настольной книгой для многих любителей птиц в России, она по праву считается классикой литературы в этой области. Хотя со дня смерти Ивана Козьмича прошло уже более века, до сих пор не появилось ни одного его жизнеописания. Попробуем хотя бы частично восстановить его биографию. Несмотря на длительные поиски, нам пока так и не удалось обнаружить его портрет.


НАШИ
ПѢВЧІЯ ПТИЦЫ,
ИХЪ
ЛОВЛЯ И СОДЕРЖАНІЕ ВЪ КЛѢТКАХЪ,
(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОСКОВСКАГО ОХОТНИКА).
Соч. И. К. Шамова.
Съ 11 раскрас. рисунками взрослыхъ птицъ и 18 политипажами.
МОСКВА.
Типографія А. В. Кудрявцевой,
Моросейка, Космо-Даміанскій переул. д. Чернова.
1876.


МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КНИГИ, КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
Собранные и приготовленные к печати под редакцией
Павла Симони
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В МОСКВЕ XVIII—XIX СТОЛЕТИЙ
МОСКОВСКИЕ КНИГОПРОДАВЦЫ КОЛЬЧУГИНЫ В ИХ КНИГОТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В БЫТОВОЙ ОБСТАНОВКЕ.
ЛЕНИНГРАД
Издание Ленинградского Общества Библиофилов
1927

В небольшой книжке «Книжная торговля в Москве XVIII-XIX столетий. Московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и в бытовой обстановке», изданной Ленинградским обществом библиофилов в 1927 году, опубликованы яркие воспоминания Ивана Козьмича Шамова (с. 68-80) о его первом работодателе и наставнике Иване Ивановиче Кольчугине.

Москва. Вид Никольской улицы от Богоявленского переулка к Кремлю. 1886 год. Из собрания Н.А.Найденова. На этой улице Иван Козьмич Шамов проработал первую половину своей жизни.

«Я поступил к Ивану Ивановичу Кольчугину ещё недоростком, и все молодые годы провёл в его лавке, на Никольской улице у Казанского собора. С тех пор прошло сорок лет, но я, как сейчас, помню эту симпатичную, старую книжную лавку, эту академию, где я обучался уму-разуму под руководством незабвенной памяти Ивана Ивановича. Мне горько вспоминать эти давно прошедшие годы, горько чувствовать потерю тех прекрасных людей, благодаря которым я удержался на ногах, борясь за существование, и я возвращаюсь к моему прошлому лишь для того, чтобы высказать здесь тем добрым людям мою глубокую признательность, которую они поселили в моей груди. Благосклонный читатель да не посетует на меня, если я не приведу здесь полной характеристики Ивана Ивановича, как деятеля в книжном деле, а сообщу лишь отрывками мои воспоминания о нём, что мне подскажет память.

Я начну со дня моего поступления на службу, который мне так ясно припоминается. Это было 14 ноября 1862 г. Стояла форменная зима, недели две, как ездили на санях, по установившейся лёгкой дороге и мороз держался довольно чувствительный. Покойный отец мне за несколько дней сказал, чтобы я бросил свою Охоту* и что я поступаю на место, к Кольчугину, и объяснил: “Отец его был букинист, торговал старинными книгами, а сын заводит новое дело, и ты поступаешь приказчиком”. Выслушав эту новость, я не обрадовался, не хотелось очень вылезать из тёплой норы, но пришлось покориться и в вышесказанный

* И.К.Шамов – любитель певчих птиц и автор книжки, посвящённой их описанию, ловле, и т.д. – *Павел Симони*.

день, утром, отец велел мне одеться и, помолясь на икону, мы отправились в город. Я не боялся предстоящего мне дела в книжной лавке, так как живя при отце, тоже книжнике, я кое-что мараковал по книгам, но я беспокоился, потрафлю ли хозяину: ну, как закричит, думал я, да скажет: “не годишься, ступай домой” Что тогда! .... Эти тревожные мысли мучали меня всю дорогу, пока мы ехали. Но вот, наконец, и «город»: часовня Иверской, свечные и семенные лавки с мальчишками на пороге, с толстыми обмороженными щеками и со стаканами горячего чая в руках, дальше Казанский собор и Никольская улица, с выкрикивающими разносчиками, пирожниками, сбитенщиками... А вот и лавка Кольчугина. Войдя в неё, я встретил стройного молодого человека, выше среднего роста, в щегольской енотовой шубе с капюшоном и чёрной фуражкой на голове. Он был очень молод, только что поднявшийся юноша, но выглядел старше своих лет, его серьёзное, смуглое лицо с необыкновенно большим, высоким лбом и красивыми полными губами выражало недюжинный ум и внушало к себе уважение.

“Иван Иванович !” – произнёс отец, приподнимая шапку и отдавая поклон. Я последовал его примеру. “Вот, имею честь препроводить под ваше покровительство”, – шутливо проговорил отец, показывая рукою на меня.

“А сей мужчина!”, – ответил Иван Иванович, с улыбкою поглядывая на меня. “Пока вот считайте с ними вольфовские объявления, по сотням считайте”, – предложил он мне, показывая на кучу сложенной в пачки печатной бумаги, около которой стояли два мальчика...

...Так торговал Иван Иванович около двадцати лет и всем нам жилось хорошо... Я зачитывался книгами по естествознанию, завёл с разрешения Ивана Ивановича певчих птиц наверху, а сам он поставил нам в окнах комнатные растения, которые отдал под моё наблюдение, и часто приходил сюда отдыхать, читал французские книги эротического содержания, которые выписывал через магазин В.И.Готье, и вообще собирал и держал их в особом шкафу под замком. Всё это я ясно припоминаю: цветущие олеандры на среднем окне, пение моих птиц и Ивана Ивановича, полулежащего на диване с книгой в руках, как сейчас вижу и переживаю хорошие минуты. Но тут же и скорблю, что всё это так скоро погибло. Иван Иванович заболел нервами и, огорчившись чем-то до глубины души, – махнул рукой на дело, расстроил его, казалось, намеренно, а кончил тем, что всё было продано за долги, и он остался без всяких средств к жизни. Избегая стыда и отыскивая более сносное положение, – он уехал в С.-Петербург, оставив семью на иждивении родственников, там проживал он в каких-то номерах, ходил по магазинам, просил работы. Но находился в тяжком положении. Наконец он неожиданно был выписан книгопродавцом-издателем К.Шамовым опять в Москву вести торговлю в маленькой лавочке на той же

Никольской улице. Этот деятель с успехом мог бы восстановить в то время хорошее Кольчугинское дело, но недоверчивость и самомнение препятствовали тому и он вскоре ликвидировал свою лавку. От Шамова Иван Иванович поступил к И.Д.Сытину, но здесь вскоре заболел и так тяжело, что его отозвали в больницу, а из больницы на Даниловское кладбище, где похоронили близ могилы отца Ивана Григорьевича.

Многие его осудили..., но я не скажу ему упрёка и повторю, оканчивая мои воспоминания: “Покойся, добрый и честный человек, отдыхай, не слыша больше тех обид, которые ты претерпел здесь на земле”».

Виктор Михайлович Васнецов. «Книжная лавочка».
1876 год, холст, масло. Третьяковская галерея.

Таким образом, мы видим, что наш герой зарабатывал на хлеб книжной торговлей. В той же ленинградской книге 1927 года Яков Иванович Киселёв (с.82-85) так прокомментировал воспоминания Ивана Козьмича Шамова про Ивана Ивановича Кольчугина, описав характер Ивана Козьмича.

«Воспоминания об И.И.Кольчугине И.К.Шамова интересны, но, к сожалению, в воспоминаниях отведено слишком много места относительно топографическому, подробное описание устройства и расположения шкафов и пр. мелочи. В воспоминаниях Шамова выразился его (Шамова) сосредоточенный характер. И.К.Шамов, насколько я его знал с 1864 года, представлялся мне человеком угрюмым, в его характере было что-то финское. Я никогда не видел его смеющимся или возбуждённым. Это был совершенный антипод таким книжникам, как покойный Папанкин, который всегда был подвижный и жизнерадостный. Напротив, Иван Козьмич всегда был каким-то застывшим.

И.И.Кольчугин, несомненно, наследовал от отца остроту ума и склонность к шуткам и остротам. И.И. любил отпускать шутки и крылатые словечки, иногда окрашенные сарказмом, но все его шутки и слова были уместны и остроумны. Из приведённых Шамовым двух образцов: «Господь умудряет слепца» (из Псалтыря) и «Всё изменилось под нашим зодиаком» (из эпиграммы Пушкина на брата его Льва), видно, что И.И. перечитал много книг разнообразного содержания и умело пользовался словами и изречениями. Знал ли И.И. французский язык – я сомневаюсь. Умственный склад И.И. отразился на его служащих. И.К.Шамов подражал своему патрону, Шамов, хотя и не так удачно, но любил вводить при первом подходящем случае остроумное словечко. У Кольчугина же много лет, до самого прекращения торговли, служил Иван (фамилии его не помню). Иван – уже пожилой человек был, и на этом простом неуклюжем человеке отразилось влияние И.И. Не отличаясь ни грамотностью, ни вообще умственным развитием, Иван всегда шутил и острил и довольно удачно.

Замечательная черта: я не видел И.И. когда-либо смеющимся, как бы ни была удачна и остроумна его шутка. Он всегда оставался в спокойном состоянии, только глаза принимали весёлое выражение. Эта же черта была усвоена и его подражателями, И.К.Шамовым и Иваном...»

В другой главе книги 1927 года «Московские книгопродавцы Шамовы» (с. 86-88) приводятся биографии деда, отца и сына Шамовых.

«1. Иван Максимович Шамов, родом Вятич, происходил из города Орлова Вятской губернии, сын купца. Человек был почтенный, зажиточный, очень добрый, но строгий, мужики просят пособить на что-нибудь, он их пожурит, попеняет, но денег даст.

2. Сына своего «Кузютку» любил, в своё время отдал в ученье в лавку известного московского книжного деятеля Василия Васильевича Логинова (ум. 1847 г.). Из школы же Логинова вышли и оба брата Ступины (Алексей, Дмитрий) и другие. У Логинова Козьма Иванович ездил по ярмаркам с книгами и особенно, когда Логинов стал издавать переводы романов Вальтер-Скотта с иллюстрациями. Романы эти были в моде и с лёгкой руки Логинова пошли в ход: конечно, рекламою

устного характера немало помогал и К.И.Шамов. Иван Козьмич рассказывал, как при отце его К.И-че, афени* приходят в лавку к Логинову забирать товар: ну, разумеется, хозяин и раскошеливается. Угощает афень, а они вдруг и скажут попросту, без затей: “Ну, давай, Скотов-те!”

Разъезжал Козьма Иванович по ярмаркам с опасностью жизни, но оружия боялся, а оно было бы необходимо, так как нападали и грабили татары. В домашней жизни Козьма Иванович был семьянин и по своему человек даже просвещённый, читал детям басни Крылова, Мёртвые души Гоголя и проч., он имел свою Литографию, издавал лубочные картинки, Конька-Горбунка, детские книжки, натуральную естественную историю, таблицы для расчёта процентов, Поваренную книгу под редакцией Авдеевой, Путешествие Араго (перев. с франц.), Массе: Историю кусочка хлеба и т.д.

Умер К.И.Шамов в 1867 г., похоронен на Ваганьковском кладбище.

Торговый дом купца Дмитрия Александровича Лухманова, построенный в середине XIX века. В начале XX века здесь находилось страховое общество «Якорь». В 1918 году в здании разместилась Всероссийская Чрезвычайная комиссия (ВЧК). В этом доме Иван Козьмич Шамов проработал 26 лет.

3. Сын его Иван Козьмич Шамов родился 1 августа 1845 г., где учился книжному делу, осталось неизвестным, затем служил у Ивана Ивановича Кольчугина, как он сам написал в своих «Воспоминаниях» о последнем, а потом был, по-видимому, недолго на службе у А.И.Глазунова и после трагической смерти последнего И.К.Шамов, отрозненный от книгопродавческой и книжической семьи, перенёс свою деятельность на конторскую службу в страховом обществе «Якорь», где и прослужил без малого 26 лет, заслужив всеобщую любовь и почёт («Якорь» на Лубянке). Я зазнал Ивана Козьмича уже в последние годы

* Афеня, офеня – странствующий по деревням торговец мелочами с галантерейным и мануфактурным товаром, книгами, лубочными картинками. В западных губерниях России было распространено другое название – коробейник.

его жизни: он казался мне очень нервной натурой, с наклонностью к шутке, любил рассказывать о былом, вообще же это была – натура развитая эстетически, недаром он любил наблюдать природу на воле, и очень любил певчих птичек. Этим пернатым певцам – пичужкам и посвятил он довольно изящно изданную книжечку с недурными раскрашенными картинками певчих птичек. Это его «Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках». С 11 раскрашенными рисунками певчих птиц и 18 политипажами. Москва, Типогр. А.В.Кудрявцевой, 1876 (дозв. ценз. 13 сентября) 196 с. Издание журнала «Природа и Охота». И.К.Шамов сделался сотрудником этого охотничьего издания и оставался им до конца жизни. Туркин начал печатать 3-ю книжку «Певчих птиц», и не допечатано было лишь два листа (неизвестно, вышла ли эта книга). Вдова И.К.Шамова говорила мне, что в журнале Туркина был помещён некролог Шамова с портретом, но я ни в одном из изданий – о Шамовых не нашёл ни строчки.

Пресненские пруды на реке Пресне.

Иван Козьмич жил с женою на Нижней Прудовой улице на Пресненских прудах очень патриархальною жизнью в маленьком деревянном домике с низенькими потолками. Был милый незлобивый старик, очень приятный и милый, натура с искрою поэзии. У Ивана Козьмича был брат Клавдий – довольно известный и значительный книгопродавец в Москве. Иван Козьмич тихо скончался 65 лет, 7 марта 1912 г. в 9 час. 15 мин. вечера, погребён на Ваганьковском же кладбище, первая дорожка за поповым домом по левой стороне под елью.

Ивана Козьмича Шамова следовало бы считать сродни профессору Лесного института Д.Н.Кайгородову».

Серия статей И.К.Шамова «О комнатных певчих птицах» вышла в двух номерах журнала «Русский охотник» в 1892 году, затем в том же

журнале в 1893 году последовала серия «Певчие птицы», но особенно часто он публиковался в «Охотничьей газете» в 1899-1906 годах. Всего из-под его пера вышло 23 видовых очерка по диким птицам России и только одна серия очерков в 1902-1903 годах в той же «Охотничьей газете» по декоративным птицам – канарейкам. Своими публикациями Иван Козьмич всячески старался просветить народ и обучить многочисленных в ту пору любителей содержания певчих птиц правильному содержанию крылатых друзей. Вот как он об этом пишет в послесловии ко второму изданию своей знаменитой книги.

«При переработке первого издания моей книжки о певчих птицах к настоящему новому изданию главнейшей целью моих записок было то же, как и при первом издании, моё искреннее желание пособить птицам, облегчить им условие жизни в неволе путём указаний разумного отношения к птице любителя или охотника. Птицы мне много принесли счастья, много внесли радости в мою жизнь, и мне всякий раз до глубины души грустно видеть их в тех невозможных условиях, при тех лишениях, которым они так чисто подвергаются, находясь в руках безжалостных людей. Насколько я достигну моей цели, стараясь пособить моим друзьям, это покажет будущее, но если труды мои принесут хотя и малую часть пользы, я буду рад».

А вот как описал роль книги И.К.Шамова «Наши певчие птицы» в истории отечественного птицеведения и орнитологии редактор журнала «Природа и охота» Николай Васильевич Туркин (1861-1933).

«Для науки зоологии эта маленькая книга являлась столь же ценным вкладом, так как в ней намечались и решались многие экологические вопросы, решались не только тонким знатоком жизни певчих птиц, их нравов, привычек, но и человеком, способным чувствовать и понимать язык природы. Этим высоким даром далеко не обладают все естествоиспытатели, но И.К.Шамов принадлежит к редким и счастливым исключениям. Известность автора далеко вышла за пределы специальной литературы, и когда в 1902 г. в Высочайше утверждённой комиссии по пересмотру законов об охоте под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича возник вопрос об урегулировании ловли и содержании в неволе певчих птиц, то естественно обратились к И.К.Шамову: Его Императорское Высочество Великий Князь Сергей Михайлович поручил редактору Н.В. Туркину совместно с И.К.Шамовым выработать проект законодательных норм по отношению к певчим птицам на свободе и в неволе».

Таким образом, Иван Козьмич Шамов стоял у истоков законодательной охраны птиц России.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2175-2188*

Майские наблюдения за птицами на реке Белой (бассейн реки Пенжины, Парапольский дол)

Ю.Ю.Блохин

Юрий Юрьевич Блохин. ФГБУ «Центрохотконтроль». Ул. Кржижановского, д. 15/7, Москва, 117218, Россия. E-mail: yuri-blokhin@ya.ru

Поступила в редакцию 15 апреля 2019

Парапольский дол – озёрно-аласная равнина, часть Пенжинско-Анадырской депрессии, известное «русло» пролёта и важное место гнездования многих видов птиц на Дальнем Востоке, угодье международного значения (Гусаков 1998). Отдалённость и труднодоступность этого интересного региона препятствует его изучению, а сведений о населяющих его птицах по-прежнему недостаточно (Яхонтов 1979; Гусаков 1983; Лобков 2011). Публикуя данные своих старых дневников, мы полагаем, что майские наблюдения 1988 года несколько расширят имеющиеся знания о птицах Парапольского дола и бассейна реки Пенжины.

Материал и методы, характеристика природных условий

Наблюдения на севере Парапольского дола у места впадения реки Большой Упупкин в реку Белую (рис. 1) выполнены нами с целью учёта мигрирующих охотничьих водоплавающих птиц, прежде всего гусей, в соответствии с планом научно-исследовательских работ ЦНИЛ Главохоты РСФСР. Попутно был собран небольшой материал и о других птицах, который может представлять определённый интерес, учитывая эталонное значение данной территории. Ниже представлены некоторые данные, собранные нами по отдельным видам, исключая водоплавающих, дневных хищных птиц и сов. Сведения о пролёте 18 видов водоплавающих птиц, а также о встречах 4 видов хищных птиц и 2 видов сов в окрестностях нашего стационара на реке Белой изложены в отдельных статьях (Блохин 2013а, 2014). Здесь они частично приводятся для общей характеристики состава фауны и очерёдности прилёта перелётных птиц. Основная часть материалов по пролёту журавлей, куликов и чаек была опубликована (Блохин 2013б) и здесь не дублируется.

Всего с 5 по 30 мая 1988 с возвышенных точек и на коротких пеших маршрутах было проведено 246 ч наблюдений. Основное время наблюдений мы затратили в тундре (91 ч) и на речной косе (97 ч), следя с открытых мест за пролётом птиц. О лесных птицах мы собрали скромный материал, в основном при регулярном пересечении островного участка пойменного леса (28 ч) во время пеших экскурсий в тундру, дополнив его ежедневными наблюдениями на лесных опушках (30 ч). Для периода наших работ в тексте приведена оценка обилия видов: «очень редкий» – менее 3 встреч, «редкий» – 3-9 встреч, «обычный» – 10-30 встреч, «многочисленный» – более 30 встреч. Дополнительно для каждого вида указаны число встреч и предельные сроки, в которые эти встречи зарегистрированы. Для ряда видов общее число встреч не указано, поскольку некоторые и даже многие встречи не фиксировали.

В окрестностях стационара (егерский кордон заказника «Река Белая») берега реки и острова местами покрывает кулисный лес из тополя душистого *Populus sua-*

veolens и чозении *Chosenia arbutifolia* (рис. 1, 2). В высокоствольном лесу немалую часть составляют старые деревья с фаутными вершинами и сухостой. По рекам встречаются бордюры пойменных тальников *Salix* sp. (рис. 3), ольшаников *Alnus* sp., а вне поймы произрастают березняки *Betula* sp. (рис. 4), островки ольхового и кедрового стланика *Pinus pumila*. На водоразделах и, участками, по речным берегам располагается кустарниковая озёрная тундра гипоарктического типа (рис. 5). По А.А.Кищинскому (1980) – это берингийская лесотундра. Подробнее характеристика природных условий района наших исследований изложена в работах Е.С. Гусакова (1998) и Е.Г.Лобкова (2011). Погода и фенология весенних явлений 1988 года описаны нами ранее (Блохин 2013а,б).

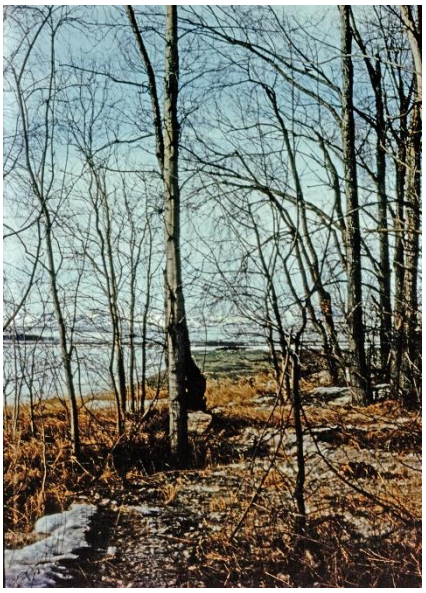


Рис. 1 (слева). Река Белая у стационара во время весеннего разлива на фоне Пенжинского хребта. Галечная коса, приречные ивняки и высокоствольный кулисный лес. Третья декада мая 1988 года.
Рис. 2 (справа). Опушка леса из тополя душистого и чозении на реке Белой. Вторая декада мая 1988.

Рис. 3 (слева). Бордюры ивняков по реке Большой Упупкин. Третья декада мая 1988 года.
Рис. 4 (справа). Лесотундра в устье реки Большой Упупкин. Островки березняков в кустарниковой тундре. Первая декада мая 1988 года.

Результаты и обсуждение

Белая куропатка *Lagopus lagopus*. Оседлый и зимне-кочующий вид. Многочисленна (более 116 встреч с 6 по 30 мая). Этих куропаток 1

мая наблюдали с вездехода при движении из села Манилы в село Каменское (около 50 км): на каждые 200-300 м берега реки Пенжины по 1-2 пары. По сведениям местного егеря, зимой было необычно много куропаток, а в конце апреля они в массе переселились из лесной поймы в междуречную тундру. По нашим наблюдениям, на реке Белой куропатки встречались по речным безлесным берегам, но особенно много их было вне поймы в ерниково-кустарниковой тундре: 6 мая с одной точки в радиусе 600-800 м обнаруживали до 5 токующих самцов одновременно, а 18 мая с той же точки – до 7 самцов. На коротком маршруте по тундре 6 мая за 45 мин утром было встречено около 20 территориальных самцов и пар. После 20 мая брачная активность куропаток снизилась и на том же маршруте отмечали уже от 2 до 6 самцов. К этому времени замечена линька (побуревшие спина и шея) у самок. У самца, добытого из пары 7 мая, шла линька оперения головы, спины, верхних кроющих третьестепенных маховых и рулевых, а размеры семенников составляли по 11.5×7.5 мм. У самца из пары 14 мая оба семенника были одинаково большими – 13.5×9 мм.

Рис. 5. Кустарниковая тундра и кулисный лес по реке Белой.
Вторая декада мая 1988 года.

Тундряная куропатка *Lagopus mutus*. Оседлый и зимне-кочующий вид. С борта вертолёта Ми-8 при облёте Пенжинского хребта 5 мая мы видели сотни птиц стайками по 10-20 особей. Но на равнине в окрестностях стационара тундряная куропатка редка. Здесь не было подходящих местообитаний для этого вида, за исключением группы высоких бугров (гидролакколитов). На одном таком бугре, вершину которого покрывала мохово-травяная кочкарная тундра с багульником, 23 мая встречены 1 самец и ещё 1 пара тундряных куропаток.

Канадский журавль *Grus canadensis*. Обычен (22 встречи с 9 по 25 мая). Появление первых журавлей по срокам довольно раннее. В это время ещё стояли морозы, хотя в тундре местами уже были обширные

проталины. Пролетавшие одиночно и стаями до 9 особей журавли наблюдались в долине реки и в озёрной тундре. С 11 мая иногда слышали перекличку присаживавшихся в тундре журавлей.

Бурокрылая ржанка *Pluvialis fulva*. Редка по числу встреч (8 раз с 24 по 29 мая), но по количеству особей обычна. Несколько раз наблюдали стаи по 3-18 пролетавших над рекой птиц. Токование ржанки слышали 29 мая над коренным берегом реки, покрытом сухими тундровыми кочкарниками. Две ржанки, добытые 25 мая из стайки в 8 особей, оказались разного пола и разной степени упитанности. Размеры яичника самки, у которой почти не было жировых отложений, составляли 14×13 мм, а диаметр самого крупного фолликула – 8 мм.

Галстучник *Charadrius hiaticula*. Обычен (15 встреч с 18 по 30 мая). Встречался одиночно и парами по реке и протокам на галечных и песчаных косах. Здесь птицы токовали или кормились, иногда вместе с песочниками. Самка галстучника, добытая из пары 26 мая, была средней упитанности и имела крупнозернистый яичник размером 14× 8 мм, а крупный фолликул достигал в диаметре 4.3 мм.

Фифи *Tringa glareola*. Многочислен (60 встреч с 19 по 30 мая). Прилёт совпал с резким повышением температуры воздуха 19 мая. Встречался одинаково часто в кустарниковой тундре и в открытой части поймы реки. Мелкие пролётные стайки по 3-9 особей кормились по урезу воды на реке и ручьях, по берегам свободных ото льда небольших термокарстовых озёр и в бочажках. На третий день после прилёта (21 мая) территориальные фифи нередко садились на кусты и отдельные деревья, происходило активное токование, а 24 мая наблюдалось спаривание. Добытый из пары 22 мая самец был средней упитанности, а размеры его семенников составляли 9×6.3 и 7.5×5.7 мм.

Большой улит *Tringa nebularia*. Обычен (14 встреч с 19 по 30 мая). Прилетел в одно время и держался в тех же биотопах, что и фифи, а токовавшие территориальные самцы использовали для присад те же сухие деревья. С самого прилёта большой улит встречался одиночно и парами. Начало токования отмечено 22 мая. Добытый в тот день самец имел среднюю упитанность и гонады размером 12×6.5 и 8×5 мм. Другой самец 30 мая был без жировых отложений и имел ещё большие семенники – 14×7 и 11×6.5 мм.

Сибирский пепельный улит *Heteroscelus brevipes*. Редок (3 встречи с 22 по 28 мая). Наблюдался в речной пойме по 1-2 особи, однажды вместе с мородункой.

Перевозчик *Actitis hypoleucos*. Редок (7 встреч с 19 по 29 мая). Прилёт отмечен за два дня до начала ледохода на реке Белой. Встречался по берегам рек и ручьёв вначале одиночно, а с 29 мая – исключительно парами.

Мородунка *Xenus cinereus*. Обычна (10 встреч с 25 по 29 мая). При-

лёт зафиксирован, только когда установились положительные среднедневные температуры воздуха. Наблюдали кормившихся на берегу реки одиночных птиц и пары. Интенсивное токование происходило над рекой 28-29 мая, в то время как вода продолжала прибывать, затапливая косы и островки. Самка мородунки из пары 28 мая была средней упитанности, имела крупнозернистые яичники размерами 13×8.5 мм, а самый крупный фолликул был диаметром 4.3 мм.

Круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus*. Две птицы 24 мая плавали у берега во время ледохода, а затем улетели вверх по реке Белой.

Турухтан *Philomachus pugnax*. Редок (5 встреч с 22 по 28 мая). Прилёт происходил, когда в тундре почти не оставалось снега, но на льду больших озёр он только начал тять. Самцы обособлено держались в осоке у озера в аласной котловине. Также отмечены одиночные самцы, пролетавшие над рекой, и садившаяся в пойме стайка из 8 птиц.

Песочник-красношейка *Calidris ruficollis*. Многочисленный транзитный мигрант (31 встреча с 25 по 30 мая). Пролётные стайки по 3-17 птиц присаживались на речные косы, где кормились у уреза воды вместе другими куликами. Все три добытые из стай по 4-7 особей красношейки оказались самцами. Семенники двух из них были довольно велики, но не максимальных размеров (у последнего 7×5 и 6×4.5 мм), и, если вскрытая птица 25 мая имела жировые отложения, то 28 и 30 мая они у куликов отсутствовали.

Длиннопалый песочник *Calidris subminuta*. Очень редкий пролётный вид. Найден летом в южной части Парапольского дола (Лобков 2011). Мы видели стайку из 9 особей, которая кормилась на речной косе 25 мая.

Белохвостый песочник *Calidris temminckii*. Очень редкий пролётный вид. Наблюдался на весенней миграции на реке Апуке на Корякском нагорье (Кищинский 1980). Нами две одиночные птицы встречены 27 мая на галечной косе вместе с кормившимися там чернозобиком, красношейкой и галстучником.

Краснозобик *Calidris ferruginea*. Очень редкий пролётный вид. Пролетавших с характерным криком краснозобиков мы слышали в тундре 22 мая, а 29 мая – в долине реки.

Чернозобик *Calidris alpina*. Обычен (21 встреча с 26 по 30 мая), но по числу особей относится, скорее, к многочисленным видам. Передовой на пролёте отмечена одиночная птица. На другой день появились стаи, особенно большими они были 28 мая. Мигрировавшие по долине реки стайки чернозобиков от 3 до 50 птиц (нередко в общих стаях с песочниками-красношейками) садились на косы, где кормились у воды, иногда в компании с улитами и другими куликами. Гонады самца из стаи в 11 чернозобиков 28 мая были увеличены, но не до-

стигали максимальных размеров (левый семенник 7×5.5 мм).

Дутыш *Calidris melanotos*. Очень редкий транзитный мигрант, отмеченный на весеннем пролёте на реке Апуке в более поздние сроки (Кищинский 1980). Токование пролётных птиц мы ясно слышали в кустарниковой тундре 22 мая.

Бекас *Gallinago gallinago*. Обычен (19 встреч с 17 по 25 мая). На реке Апуке бекаса наблюдали самым первым из куликов – 8 мая, а токование – 19 мая (Кищинский 1980). Нами прилёт отмечен также самым первым из куликов, когда на открытых местах уже были большие проталины. С прилёта самцы токовали в озёрной кустарниковой тундре, придерживаясь сырых осоковых мочажин, освободившихся от снега.

Средний кроншнеп *Numenius phaeopus*. Многочислен (81 встреча с 18 по 30 мая). Пролёт проходил широким фронтом по долине реки и в тундре. Мигрирующие стаи численностью до 20 особей садились на речных косах. Территориальные пары встречались на мохово-травяных с багульником участках тундры, на возвышениях. Интенсивное токование отмечено с 28 мая в речной долине, где территориальные птицы присаживались на высокие берега, покрытые тундровой растительностью, и галечные косы. Были добыты две довольно худые самки. У одной из них 22 мая гонады имели размеры 20×16 мм, диаметр самого крупного фолликула 6 мм. У другой самки из стаи 18 особей 26 мая яичник был крупнее (28×19 мм, самый большой фолликул 9.5 мм). Желудки птиц были полоны сине-фиолетовой ягодной массы (шикша).

Большой веретенник *Limosa limosa*. Обычен (23 встречи с 20 по 29 мая). Крики пролетавших птиц были слышны в кустарниковой тундре с 20 мая. Отдыхавших и кормившихся больших веретенников наблюдали на берегах и галечниковых косах по реке. С прилёта веретенники держались одиночно и парами, редко по три. С 22 мая над рекой видели токовавших птиц.

Американский бекасовидный веретенник *Limnodromus scolopaceus*. Очень редкий пролётный вид (2 встречи 22 и 26 мая), отмечавшийся также на реке Апуке (Кищинский 1980), причём прилёт наблюдали почти в те же сроки, что и на реке Белой. Пролётная стайка из 3 особей отмечена нами в пойме реки. Одиночная птица встречена у озера, заросшего осокой, со сфагново-травянистыми берегами и в обрамлении ерника. В этом же биотопе держались фифи и турухтан.

Средний поморник *Stercorarius pomarinus*. Залётный вид, отмечавшийся весной на Апуке (Кищинский 1980). Одиночный средний поморник, летевший на север в пойме реки, наблюдался нами 27 мая.

Короткохвостый поморник *Stercorarius parasiticus*. Редок (7 встреч с 18 по 30 мая). Появление отмечено 18 мая. Охотившихся поморников по 1-2 особи чаще всего видели в озёрной тундре. Только однажды наблюдалась группа из 4 птиц.

Длиннохвостый поморник *Stercorarius longicaudus*. Многочислен (48 встреч с 18 по 28 мая). С 18 мая встречался в тундре и в пойме реки одиночно, парами и стайками до 6 птиц.

Халей, или **восточная клуша** *Larus heuglini vegae*. Обычна (28 встреч с 8 по 29 мая). У села Каменское на реке Пенжине 1 мая держались несколько чаек, вероятно, этого вида. У стационара прилёт зафиксирован, когда водоёмы были ещё скованы льдом, и только на реке Белой у открытой промоины держались лебеди и первые утки. Встречалась по 1-2, реже по 3 особи, главным образом, в пойме реки. Добыты два самца слабой упитанности (подкожный жир). Семенники одного из них (из пары 22 мая) – 19×11.5 и 14×9.5 мм, другого (из группы 3 особи 25 мая) – 14.5×10 и 12×9 мм. Желудок одной чайки содержал остатки 2-3 плавунцов (Dytiscidae) и несколько камешков, желудок другой – кости рыбы средних размеров.

Сизая чайка *Larus canus*. Многочисленна (44 встречи с 16 по 30 мая), заметно превосходила по численности восточную клушу. Прилёт происходил в период появления на реке Белой широких полыней. С прилёта встречалась чаще на реке, а после полного схода снега и в озёрной тундре. Отдыхавших на льду и речных косах сизых чаек по 1-2 или 3 мы видели каждый день. В период подъёма воды на галечном островке, оставшемся от косы, 28 мая наблюдалась копуляция сизых чаек. Добыты 3 птицы, все из групп по 3 особи. Самец 19 мая и самка 20 мая имели подкожный жир, тогда как самец 24 мая оказался совсем без жировых отложений. Семенники первого самца – 16.5×10.5 и 14×9.5 мм, второго – 25×15 и 21×12 мм. Яичник самки – 25×19 мм, диаметр крупного фолликула 9 мм. В желудках находили мелкие позвонки рыб и фрагменты хитина плавунца.

Полярная крачка *Sterna paradisaea*. Обычна (17 встреч с 22 по 30 мая). К моменту появления крачек в тундре снега почти не оставалось, а на реке Белой шёл ледоход. Птицы встречались одиночно или парами, редко стайками до 11 особей.

Обыкновенная кукушка *Cuculus canorus*. Только однажды, 28 мая, мы слышали кукование в березняке на берегу реки Белой.

Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*. Оседлый вид, редок (8 встреч с 5 по 29 мая). В отдельные дни, с самого приезда, в пойменном лесу мы отмечали «барабанную дробь» и наблюдали самих птиц. Активно «барабанили» эти дятлы 12 мая в первую волну потепления.

Малый пёстрый дятел *Dendrocopos minor*. Оседлый вид, редок (7 встреч с 13 по 30 мая). Чаще всего этих дятлов видели у кордона на берегу реки и на речной косе, а также в пойменном лесу. Из пары 18 мая добыт самец.

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Оседлый вид, редок (3 встречи с 11 по 25 мая), встречался реже других дятлов. 11 мая «барабанил»

на сухой вершине в пойменном тополево-чозениевом лесу, а вечером того же дня слышали поочерёдное «перестукивание» двух птиц. Самец без жировых запасов и с увеличенными гонадами (13×7.5; 12.5×9 мм) добыт 25 мая.

Береговушка *Riparia riparia*. 29 мая пролетела вверх по Белой, когда река полностью отчистилась ото льда.

Полевой жаворонок *Alauda arvensis*. Обычен (более 15 встреч с 5 по 28 мая). В пойме реки Пенжины, а также у аэропорта Манилы, где не было снега, жаворонки отмечены 5 мая. На реке Белой трели жаворонков слышали почти каждый день с 6-7 мая (когда шёл их активный пролёт) до 13 мая, после чего поющие птицы стали встречаться реже. Пение отмечали в пойме и на надпойменных террасах в тундре при любой погоде (в т.ч. в сильный ветер, снегопад). В мохово-травяной кочкарной тундре 19 мая полевые жаворонки отгоняли болотную сову *Asio flammeus*. В тот же день из пары был добыт самец без жировых отложений. Семенники его имели размеры 9×6 и 8.5×7.5 мм.

Берингийская жёлтая трясогузка *Motacilla tschutschensis*. Редка (6 встреч с 23 по 30 мая). Прилёт происходил после полного схода снега в равнинной тундре и совпал с первым массовым вылетом насекомых. Впервые пара и ещё один самец встречены на аласе у небольшого озера. Позже наблюдали одиночных птиц, пролетавших в пойме реки или кормившихся среди плавающего древесного «мусора» у берега.

Белая трясогузка *Motacilla alba*. Обычна (более 19 встреч с 5 по 29 мая). Прилёт очень ранний: 5 мая на льду реки Белой отмечена первая птица. В дальнейшем пролёт угадывался по встречам в разных местах в долине реки одиночных или пар трясогузок. Вечером 19 и 22 мая больше обычного птиц собралось на косе реки Белой, когда наблюдали по 3-4 особи сразу. Спаривание отмечено 25 мая. На берегу реки Большой Упупкин 21 мая трясогузки вместе с овсянками и чечётками (всего 4-5 особей) несколько секунд преследовали дербника *Falco columbarius*, а на реке Белой 25 мая белая трясогузка «метнулась» за улетавшим тетеревятником *Accipiter gentilis*.

Сорока *Pica pica*. Оседлый вид, редка (5 встреч с 11 по 24 мая). Пара сорок 11 мая ненадолго прилетала к кордону. Позднее эти птицы встречались поодиночке в тальниках на реке Большой Упупкин и у озера в тундре. Два старых сорочьих гнезда на коренном берегу реки Белой обнаружены рядом на чозениях на высоте 4-5 м.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Оседлый и зимне-кочующий вид, редка (7 встреч с 12 по 28 мая). Встречи одиночных птиц происходили регулярно в течение периода наблюдений и в разных местообитаниях: в пойменном высокоствольном лесу, в тальниках у реки, в тундре на бугре, покрытом кедровым стлаником. У одного такого бугра 15 мая добыта самка, желудок и пищевод которой были наполнены кедровыми

орехами. Она не имела жировых отложений, наседные пятна и состояние яичника указывали на то, что эта птица гнездилась. Здесь же 17 мая наблюдали, как кедровка на лету поймала мотылька.

Восточная чёрная ворона *Corvus (corone) orientalis*. Оседлый вид. В селе Каменское в начале мая наблюдали много ворон. Пара ворон держалась почти каждый день вблизи от кордона на реке Белой (31 встреча с 6 по 29 мая), а 27 мая пролетели сразу 4 особи. Обычно по 1-2 птицы мы отмечали на берегу в березняке, и несколько раз их видели в тундре. Недалеко от кордона наблюдали сцену, когда ворона ловко увернулась в воздухе от атаки тетеревятника.

Ворон *Corvus corax*. Оседлый вид, обычен. По дороге из аэропорта Манилы 1 мая в пойме Пенжины встречены 1, в селе Каменское – 2 особи. На реке Белой отмечали пролетавшие пары и одиночных птиц (14 встреч с 5 по 30 мая). Чаще их наблюдали в тундре, чем у реки. В тундре 15 мая пара совершала брачные игры в воздухе. Ворон с кормом в клюве пролетал на реке Белой 30 мая.

Свиристель *Bombycilla garrulus*. Зимне-кочующий вид, обычен (более 11 встреч с 6 по 27 мая). Почти весь период наблюдений этих птиц регистрировали в пойменном лесу по 1-2 особи и стайками до 5 птиц. Обычно свиристели в разных направлениях пролетали над лесом, иногда присаживаясь на деревья на опушках. Их стало заметно меньше в последнюю неделю наблюдений. Из подсевшей стайки в 4 особи 12 мая добыта самка. Птица оказалась средней упитанности и имела мелкозернистый яичник (10.5×6 мм).

Малый дрозд *Catharus minimus*. Обычен (встречи с 22 по 30 мая). Малые дрозды прилетели, когда в лесу оставались лишь пятна снега и появилась трава. Пение с прилёта слышали у кордона и в разных местах пойменного тополёво-чозениевого леса. Особенную активность проявляли эти дрозды солнечным днём 30 мая.

Дрозд Науманна *Turdus naumanni*. Вероятно, этого дрозда мы встретили на краю леса вечером 22 мая. В.Д.Яхонтов (1979) включил дрозда Науманна в список птиц Пенжинского района, что Е.Г.Лобков (2011) посчитал ошибкой, поскольку сам этот вид в бассейне Пенжины ни разу не отмечал.

Бурый дрозд *Turdus eunomus*. Обычен (встречи с 21 по 30 мая). По прилёте отмечен в кустарниковой тундре недалеко от опушки 21 мая. На другой день в пойме реки Большой Упупкин слышали его пение. Затем пение слышали и в тундре у бугра, покрытого кедровым стлаником. Самцы много пели утром, время от времени в течение дня и вечером. Самка, добытая 27 мая, имела крупнозернистый яичник (9.5×7 мм) и немного подкожного жира.

Пухляк *Parus montanus*. Оседлый вид, обычен (встречи с 5 по 27 мая). Наблюдался по 1-2 особи в пойменном высокоствольном лесу.

Обыкновенный поползень *Sitta europaea*. Оседлый вид, редок (4 встречи с 7 по 30 мая). В пойменном лесу встречались одиночные птицы, а 29 мая к кордону прилетела пара. Гонады добытого 30 мая самца имели размеры 7×4.5 и 5×4.5 мм, подкожный жир отсутствовал, масса тела – 19.7 г.

Юрок *Fringilla montifringilla*. Многочислен (встречи с 17 по 30 мая). Прилёт первых птиц совпал с появлением комаров. С каждым днём в пойменном лесу поющих самцов становилось все больше, а 21 мая отмечены самки. У добытой 27 мая самки были гроздевидный яичник (7.5×4.5 мм) и немного подкожного жира. Гонады самца 30 мая имели размеры 9.5×6 и 8×7 мм.

Обыкновенная чечётка *Acanthis flammea*. Зимне-кочующий вид, многочисленна (встречи с 5 по 30 мая). Стайку из 10 особей, кормившуюся на опушке пойменного леса, наблюдали днём 5 мая. Мелкие стайки встречали до 9 мая. Одиночные птицы и отдельные пары появились с 10 мая. Их отмечали на коротких маршрутах в пойменном лесу и в кустарниковой тундре. К 13-17 мая стали более заметными территориальные самцы, сидевшие молча или тихо щебетавшие на ивовых кустах в тундре или в воздухе, а с 19 мая певшие также и в лесу. Обе птицы из пары, добытые 15 мая на ручье, были худыми, самка имела крупнозернистый яичник 6×8 мм (один желток оказался разлит), гонады самца были увеличены – 7.3×6 и 6.5×6 мм. Более активное, чем в предыдущие дни, пение самцов отмечено с 18 мая. Беспокоившегося самца наблюдали 28 мая, а у кордона несколько птиц гонялись друг за другом. Чечёток, собиравших материал для постройки гнезда, видели 30 мая.

Щур *Pinicola enucleator*. Зимне-кочующий вид, обычен (более 10 встреч с 8 по 26 мая). Перелетавшие в разных направлениях стайки по 6-15 особей наблюдали в пойменном лесу и на опушке. С 24 мая щуров стало мало, а последняя отмеченная стая пролетела над лесом на восток 26 мая. У кордона пение слышали с 12 мая. Самцы активно пели при потеплении вечером 18 мая и днём 19 и 24 мая. Из стай в 7 и 6 щуров 10 и 12 мая, соответственно, добыты 3 самца и 1 самка, почти не имевшие жировых отложений. Яичник самки имел размеры 9.5×5 мм и был в состоянии покоя. Гонады двух самцов 12 мая были увеличены: максимальные у «красного» – 5×4 и 5×4 мм.

Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula*. Зимне-кочующий вид, редок (9 встреч с 6 по 27 мая). Перелетавшие в разных направлениях стайки по 3-6 особей встречали в пойменном тополёво-чозениевом лесу до середины мая, но далеко не каждый день. Одиночные самцы и самки наблюдались также на берегу реки. Певшие в роще самцы особенно были заметны утром и тёплым вечером 18 мая. В последнюю неделю мая снегирей в лесу стало совсем мало.

Полярная овсянка *Schoeniclus pallasi*. Редка (4 встречи с 17 по 23 мая). Одного самца видели на бугре с кедровым стлаником 17 мая, другого – на ручье 21 мая. Пение двух самцов отмечено в тундре 23 мая.

Овсянка-ремез *Ocyris rusticus*. Обычна (более 12 встреч с 17 по 30 мая). По реке Большой Упупкин в ольшанике наблюдали пару 17 мая. Позже овсянок-ремезов встречали в берёзовом ернике у опушки, в пойменном лесу и на речной косе. С 24 мая этих птиц стало больше, а вечером того же дня в пойме наблюдали попытку их спаривания. На косе 27 и 30 мая отмечены пары, собиравшие строительный материал для гнёзд. У самки средней упитанности 30 мая в яйцеводе было яйцо в мягкой оболочке (19.5×13.5 мм).

Овсянка-крошка *Ocyris pusillus*. Редка (более 5 встреч с 18 по 30 мая). Прилёт отмечен 18 мая, а 22 мая наблюдали в ивовом ернике по реке Большой Упупкин пару, в которой самец принимался петь. Семенники самца, добытого 29 мая из пары, имели размеры 5×5 и 4.5×3.5 мм.

Дубровник *Ocyris aureolus*. Прилёт очень ранний. Пел вечером 19 мая в ивняке на ольхово-чозениевой опушке.

Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus*. Редок (5 встреч с 22 по 29 мая). Прилёт происходил, когда в тундре снег оставался лишь небольшими пятнами в западинах. Самцы пели, совершая токовые полёты, на участках равнинной мохово-травяной кочкарной тундры, на вершине бугра и на высоком берегу реки, где также были тундровые кочкарники. На аласе у озера со льдом в первый день прилёта 22 мая отмечена пара подорожников.

Пуночка *Plectrophenax nivalis*. Редкий пролётный вид Парапольского дола. Ближайшее место зимовки – Корякское нагорье (Кищинский 1980). Нами самцы не встречены. Одиночная самка 7-8 мая держалась на надувах снега у кордона, а 11 мая кормилась на галечной косе на реке Большой Упупкин. С приходом тепла и началом интенсивного снеготаяния пуночки исчезли.

★ ★ ★

На Парапольском доле обитает около 180 видов птиц (Гусаков 1998; Лобков 2011). Нами за 26 дней майских наблюдений в 1988 году было отмечено всего 80 видов, из них 62 вида перелётных птиц, в том числе: гагарообразные – 1, поганкообразные – 1, гусеобразные – 16, соколообразные – 2, журавлеобразные – 1, ржанкообразные – 25, кукушкообразные – 1, совообразные – 1, воробьинообразные – 14, а также 18 видов оседлых и зимне-кочующих, в том числе: соколообразные – 2, курообразные – 2, совообразные – 1, дятлообразные – 3, воробьинообразные – 10. Наибольшим числом видов в мае были представлены ржанкообразные (31.3% всех отмеченных видов) и воробьиные (30.0%). Май на севере Камчатки – время окончания кочёвок зимующих птиц, сезон

весенних миграций перелётных птиц и начала размножения рано гнездящихся видов (их признаки были отмечены у 8 видов). Очевидно, что нам удалось проследить не весь пролёт птиц, а прилёт и миграции многих видов, судя по списку фауны, продолжались после нашего отъезда. Например, варакушка *Luscinia svecica* и обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus* на реке Белой нами не отмечены, но их пение мы слышали 31 мая по возвращении в село Каменское.

Даты первого наблюдения перелётных птиц на реке Белой в мае 1988 года

Виды*	Даты	Число видов
Cygnus cygnus, Haliaeetus albicilla	до 5.05	2
Anser fabalis, Anas acuta, Alauda arvensis, Motacilla alba	5.05	4
Mergus merganser	6.05	1
Bucephala clangula	7.05	1
Larus heuglini vegae	8.05	1
Grus canadensis	9.05	1
Asio flammeus	11.05	1
Anas crecca	13.05	1
Mergus serrator	14.05	1
Anas penelope, Mergellus albellus, Larus canus	16.05	3
***Anser albifrons**, Falco columbarius, **Gallinago gallinago**, Fringilla montifringilla, Schoeniclus pallasi, Ocyris rusticus*	17.05	6
*Charadrius hiaticula, Numenius phaeopus, **Stercorarius longicaudus**, **S. parasiticus**, Ocyris pusillus*	18.05	5
*Podiceps auritus, Actitis hypoleucos, Tringa glareola, **Tringa nebularia**, Ocyris aureolus*	19.05	5
*Aythya marila, **Limosa limosa***	20.05	2
Turdus eunomus	21.05	1
*Gavia stellata, Clangula hyemalis, Philomachus pugnax, **Calidris ferruginea**, **C. melanotos**, **Heteroscelus brevipes**, **Limnodromus scolopaceus**, Sterna paradisaea, Catharus minimus, **Turdus naumanni**, Calcarius lapponicus*	22.05	11
Motacilla tschutschensis	23.05	1
***Pluvialis fulva**, Phalaropus lobatus*	24.05	2
Calidris ruficollis**, **C. subminuta**, **Xenus cinereus	25.05	3
***Anas clypeata**, Histrionicus histrionicus, Melanitta deglandi, Calidris alpina*	26.05	4
Calidris temminckii**, **Stercorarius pomarinus	27.05	2
Cuculus canorus	28.05	1
***Somateria spectabilis**, Riparia riparia*	29.05	2

*Виды, не гнездящиеся или чьё гнездование не доказано в бассейне реки Пенжины (по: Лобков 2011), выделены жирным шрифтом.

Очерёдность весеннего прилёта первых птиц показана в таблице. Первыми начинали миграции гусеобразные (лебедь-кликун *Cygnus cygnus*, гуменник *Anser fabalis*, шилохвость *Anas acuta*, гоголь *Bucephala clangula*, большой крохаль *Mergus merganser)*, дневные хищные (орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla)* и воробьиные (полевой жаворонок, белая трясогузка). Наблюдали волны прилёта и пролёта птиц, связанные с фенологией весенних явлений. В течение первой декады мая мы

зарегистрировали 8 видов (исключая лебедя-кликуна и орлана-белохвоста, которые прилетели ещё в апреле), в течение второй декады – 24 вида, в течение третьей – 27 видов. Наибольшее количество (11) видов отмечено 22 мая в период завершения активного снеготаяния и разгар ледохода на реке Белой, при этом 8 из них относились к водным и околоводным птицам (таблица).

Миграции птиц оцениваются в сравнении. Е.С.Гусаков (1983) указывал более ранние сроки прилёта в устье Пенжины белолобого гуся *Anser albifrons*, свиязи *Anas penelope*, лутка *Mergellus albellus*, по сравнению с нашими данными, и более поздние сроки прилёта гуменника, шилохвости, широконоски, морской чернети *Aythya marila*, каменушки *Histrionicus histrionicus*. Сколько-нибудь полного сравнительного материала по весенним миграциям водоплавающих и других птиц пенжинского бассейна и Параполского дола мы не нашли. Поэтому были использованы точные даты первых встреч птиц, отмеченных на весеннем пролёте в низовьях реки Апуки на Корякском нагорье (Кищинский 1980), примерно в 250 км к юго-востоку от устья реки Большой Упупкин. На реке Белой (1988 год) из 44 общих для двух точек наблюдений видов не менее 16 видов птиц (9 из них гусеобразные и 5 ржанкообразные) прилетели позже, чем на Апуке (1960 год), тогда как другие 25 видов – раньше. По декадам апреля и мая совпали сроки прилёта 20 видов птиц, по пентадам – 12 видов. Весь период прилёта 44 видов, общих с Апукой, на Белой оказался более сжатым, а пики появления новых видов пришлись на 4 и 5 пентады мая (рис. 6).

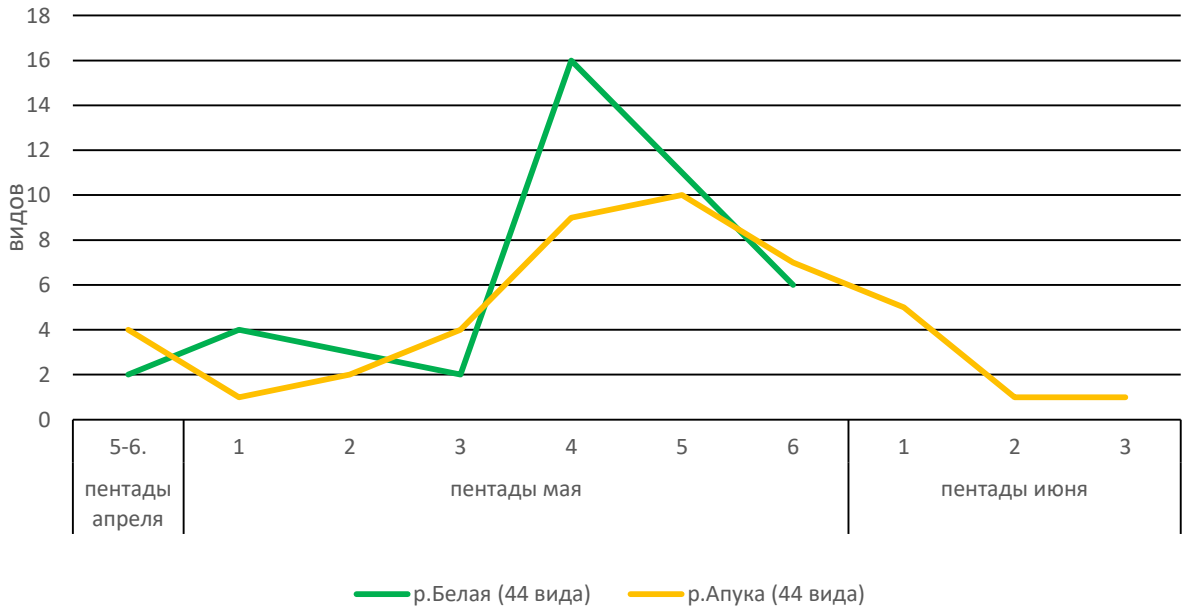


Рис. 6. Число видов птиц, прилетевших весной на север Камчатки по пентадам.

Принимая во внимание отсутствие доказательств для включения В.Д.Яхонтовым (1979) целого ряда видов птиц в список орнитофауны

Пенжинского района, отмеченные Е.Г.Лобковым (2011), мы избегали ссылок на его работу. За точку отсчёта нами принят список последнего автора (Лобков 2011), который теперь мы могли бы дополнить, хотя птицы, о которых идёт речь, не были добыты или сфотографированы. На основании наших майских наблюдений 1988 года список птиц Парапольского дола и бассейна реки Пенжины предлагается дополнить четырьмя видами. Среди них, вероятно, редкие пролётные краснозобик, дутыш, и, очевидно, залётные средний поморник и дрозд Науманна. Уточнён характер пребывания ещё трёх видов, наблюдавшихся до этого в бассейне реки Пенжины на осеннем пролёте. Это длиннопалый и белохвостый песочники и американский бекасовидный веретенник, которые встречаются здесь, как оказалось, не только осенью, но и весной. Регистрации весной двух последних видов первые для Парапольского дола. Кроме того, новый залётный вид Парапольского дола – га-га-гребенушка *Somateria spectabilis* (Блохин 2013а). Также подтверждено наблюдениями основанное ранее только на опросных сведениях пребывание весной на Парапольском доле пуночки.

Наша экспедиция на Парапольский дол была организована сотрудником ЦНИЛ Главохоты РСФСР Е.С.Гусаковым, который в мае 1988 года проводил отдельные наблюдения за пролётом водоплавающих птиц в устье реки Пенжины. Исследования были успешными благодаря технической помощи работников госпромхоза «Пенжинский» Е.Я. Воробьёва и В.В.Смирнова, предоставивших транспорт для полевых работ.

Литература

Блохин Ю.Ю. 2013а. Весенние миграции водоплавающих птиц Парапольского дола (северная Камчатка) // *Казарка* **16**: 187-202.

Блохин Ю.Ю. 2013б. Весенние миграции околоводных птиц в долине реки Белой (Парапольский дол) // *Орнитология* **38**: 16-23.

Блохин Ю.Ю. 2014. Некоторые сведения о хищных птицах и совах Парапольского дола (северная Камчатка) // *Орнитология* **39**: 87-88.

Гусаков Е.С. 1983. Распространение и численность гусеобразных (Anseriformes) на северо-западе Камчатской области // *Экология и рациональное использование охотничьих птиц в РСФСР. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР*. М.: 82-100.

Гусаков Е.С. 1998. Парапольский дол // *Водно-болотные угодья России. Т. 1. Водно-болотные угодья международного значения*. М.: 197-203.

Кищинский А.А. 1980. *Птицы Корякского нагорья*. М.: 1-336.

Лобков Е.Г. 2011. Птицы бассейна реки Пенжины // *Орнитология* **36**: 39-102.

Яхонтов В.Д. 1979. Птицы Пенжинского района // *Птицы Северо-Востока Азии*. Владивосток: 135-162.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2189-2192*

Сапсан *Falco peregrinus* в национальном парке «Берингия» и прилежащих территориях

А.В.Косяк, И.А.Загребин

Анатолий Васильевич Косяк. Национальный парк «Берингия». Набережная Дежнёва, д. 10, пгт. Провидения, Чукотский АО, 689251, Россия. E-mail: kosyak5709@mail.ru
Игорь Александрович Загребин. МБУ «Музей Берингийского наследия». Набережная Дежнёва, д. 43, пгт. Провидения, Чукотский АО, 689251, Россия. E-mail: provi_museum@mail.ru

Поступила в редакцию 22 апреля 2019

Сапсан *Falco peregrinus* на Чукотском полуострове широко распространённый, но повсеместно малочисленный вид. Включён в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Чукотского автономного округа. Сапсан часто поселяется на скалистых морских побережьях, в непосредственной близости от колоний морских птиц, которых достаточно много у южного и восточного побережий Чукотки. В долинах рек Чегитун, Уусэнвеем имеются удобные для гнездования места (выходы скальных пород на береговых обрывах с останцами, карнизами). В совокупности такое разнообразие ландшафтов делает привлекательной рассматриваемую территорию для данного вида.

По данным ряда авторов (Портенко 1972; Томкович, Сорокин 1976; Железнов-Чукотский и др. 2003), сапсан встречается близ моря на всём протяжении морского побережья от бухты Провидения до Колючинской губы и острова Колючин.

Л.А.Портенко (1972) указывает на гнездование сапсана в районе Дежнёвских сопок, на берегу реки Кооленьвеем, у юго-западных берегов лагуны Инчоун и на острове Колючин. В 1976 году наблюдениями П.С.Томковича и А.Г.Сорокина (1976) подтверждено гнездование сапсана на реке Уусэнвеем (Уучвынвеем) – так называется река Кооленьвеем в нижнем течении. 14 июля 1990 А.Б.Савинецкий (1998) на левом берегу реки Чегитун нашёл гнездо сапсана с 4 птенцами. Н.К.Железнов-Чукотский с соавторами (2003) отмечают гнездящуюся пару на мысе Нэттэн (окрестности села Энурмино).

В данной статье приводятся сведения о распространении сапсана, собранные сотрудниками национального парка «Берингия» за последние 16 лет. Информация относится к полосе приморских территорий шириной 30-40 км и общей протяжённостью около 700 км по побережью Чукотского и Берингова морей. Её анализ показал, что с момента начала систематических наблюдений за орнитофауной инспекторской службой национального парка сапсан наблюдался ежегодно практически на всей исследуемой территории (рис. 1).

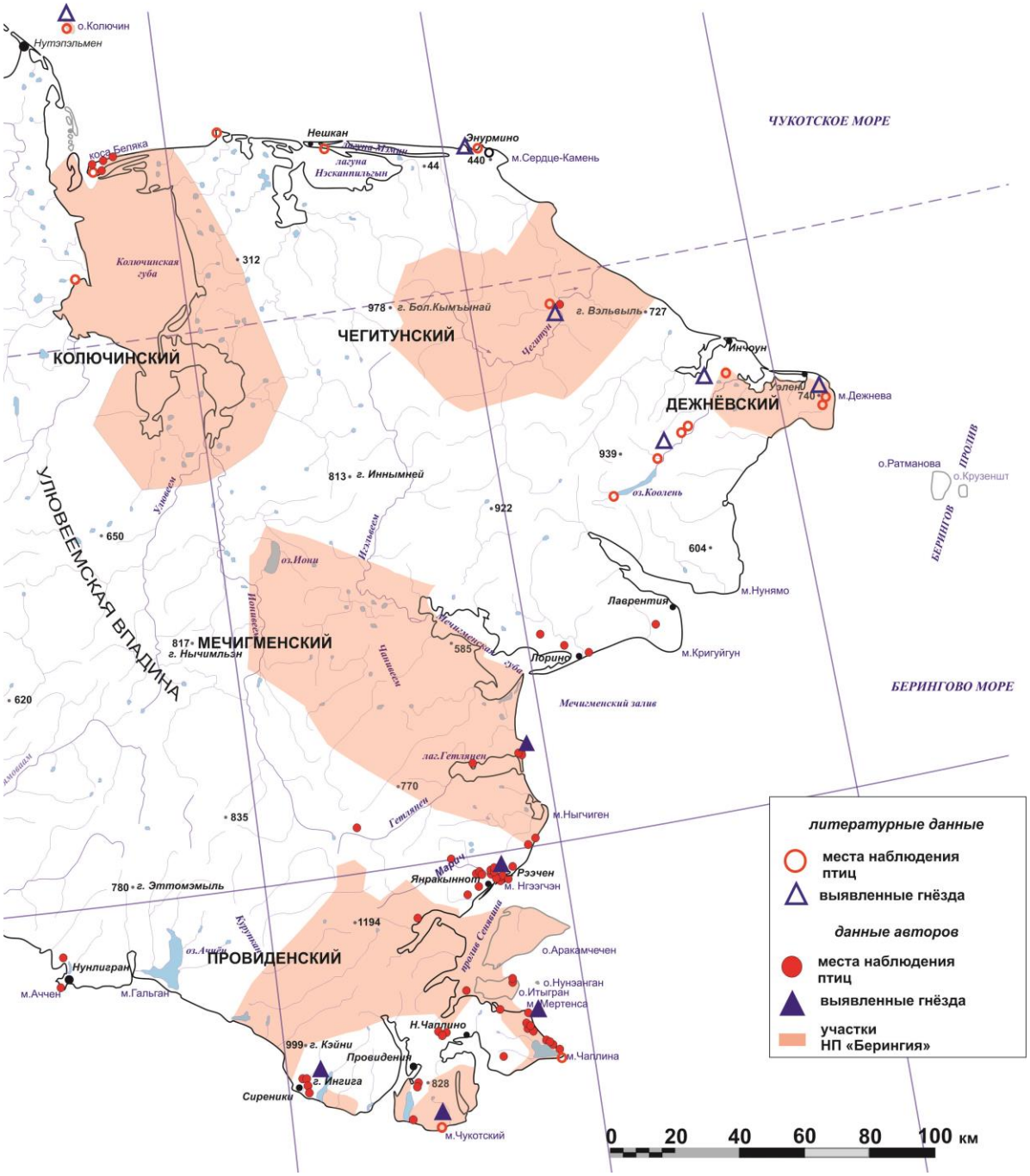


Рис. 1. Карта встреч сапсана *Falco peregrinus* на востоке Чукотского полуострова.

Следует отметить, что в некоторых случаях места наблюдения сапсанов, указанные в литературе, в последние 10-15 лет не нашли своего подтверждения. Это относится к Дежнёвскому массиву, мысу Нэттэн (окрестности села Энурмино), окрестностям села Нешкан. Вместе с тем удалось достаточно подробно изучить юго-восточную часть Чукотского полуострова и выявить новые места обитания сапсана.

С 2004 года в окрестностях села Янракыннот (гора Рээччен) постоянно наблюдается пара гнездящихся сапсанов. В 2016 году в окрестностях села Сиреники (гора Ингига, левобережье нижнего течения реки Сиреник-Кейвук) стала гнездится пара соколов. Более ранняя информация о гнездящихся сапсанах в этих районах отсутствует.

С 2015 года пара сапсанов постоянно наблюдается в окрестностях мыса Мертенса, а 27 июля 2017 на одном из уступов скалистого морского берега было обнаружено гнездо сапсана с 2 птенцами (рис. 2, 3).

Рис. 2. Сапсан *Falco peregrinus*, парящий над гнездом и на присаде.
Горный массив мыса Мертенса. 27 июля 2017. Фото И.А.Загребина.

Рис. 3. Гнездо сапсана *Falco peregrinus* с 2 птенцами.
Горный массив мыса Мертенса. 27 июля 2017. Фото И.А.Загребина.

30 июня 2018 инспекторами национального парка обнаружено гнездо сапсана на мысе Халюскин. Инспектор наблюдал круживщую над этим местом пару птиц.

На данный момент можно считать доказанным наличие 5 новых мест гнездования сапсана на юго-востоке Чукотского полуострова (гора Ингига, горный массив мысов Чукотский и Мертенса, гора Рээччен, мыс Халюскин), информация о которых в литературе отсутствует.

По нашим данным, самое раннее наблюдение сапсанов приходится на 27 апреля. Основная масса птиц появляется на территории с конца второй и в начале третьей декад мая. Осенние миграции проходят с конца сентября и в начале октября. Отдельные особи могут задерживаться (по невыясненным причинам) до начала ноября. Самая поздняя встреча сапсана на рассматриваемой территории приходится на 27 ноября 2007, когда одиночный сокол наблюдался над перевалом между бухтой Преображения и селом Нунлигран. Сапсан сбил на лету молодого бургомистра *Larus hyperboreus* и был занят трапезой.

Существует мнение, что в отдельные годы сапсаны могут оставаться зимовать на юге Чукотского полуострова (Портенко 1972). Однако нам за весь период наблюдений ни разу не приходилось наблюдать зимующих птиц.

Результаты многолетних наблюдений дают возможность предположить, что в национальном парке «Берингия» и на сопредельных с ним территориях одновременно может находиться до 10-12 пар сапсанов, причём более высокая плотность этих птиц наблюдается в юго-восточной части территории (Провиденский кластер национального парка «Берингия»). Правда, нужно отметить, что частые встречи сапсана на юго-востоке Чукотского полуострова могут быть связаны с более активным и качественным мониторингом этой части территории национального парка «Берингия».

Литература

Железнов-Чукотский Н.К., Секретарёва Н.А., Астахова Т.И., Жукова А.И., Тихомиров Ю.Б., Лозовская С.А. 2003. *Природные условия и ресурсы Чукотского полуострова*. М.: 1-502.

Красная книга Чукотского автономного округа. (Животные). 2008. Магадан: 1-235.

Портенко Л.А. 1972. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **1**: 1-424.

Савинецкий А.Б. 1998. Орнитологические наблюдения на востоке Чукотки // *Современная орнитология*. М.: 134-137.

Томкович П.С., Сорокин А.Г. 1983. Фауна птиц Восточной Чукотки // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **21**: 101-102.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2193-2198*

О некоторых принципах таксономии

Л.П.Татаринов

*Второе издание. Первая публикация в 2008**

Со времён Дарвина принято, что лучшая научная классификация (систематика) мира организмов должна основываться на выявлении их родственных связей. Из современных авторов с этим практически солидаризируется, например, Дж.Симпсон (2006), дающий более пространное определение систематики. По Симпсону, «систематика есть научное изучение организмов с точки зрения их естественных (родовых) объединений и разнообразия, а также всевозможных отношений между ними». В целом, мы согласны с Дарвином и Симпсоном, хотя считаем, что для мира прокариотных организмов, где большую роль играет горизонтальный переход генов, а при происхождении эвкариотических клеток большую роль играет симбиоз различных прокариотических клеток, критерий родства при определении систематического положения групп не вполне применим.

Особенности эволюции прокариот во многом резко отличаются от присущих эвкариотам, у которых ведущим фактором эволюции выступает дарвиновский естественный отбор. Конечно, в эволюции бактерий также самую существенную роль играют адаптивные изменения, возникающие под действием отбора, но в их становлении особо большую роль играют случайные мутации. Адаптивные изменения играют, безусловно, большую роль и при эволюции вирусов, но в их эволюции уже чётко преобладают случайные мутации, а в целом складывается впечатление, что в эволюции вирусов на передний план выходит процесс самоорганизации (Эйген 1973).

Переходя в область гипотетических построений, мы считаем вполне вероятным, что Земля на стадии «пражизни», по крайней мере в некоторых участках, была богата простейшими самоорганизующимися белками и также самоорганизующимися нуклеиновыми кислотами. Такую среду А.И.Опарин (1941) образно назвал «первичным супом», хотя он говорил по существу только о белках. От ассоциации или симбиоза первичных белков и нуклеиновых кислот, по нашему мнению, и произошли первичные протобактерии (Татаринов 2007).

Только у эвкариотических организмов естественный отбор определённо становится главным фактором эволюции, а с появлением у многоклеточных организмов усложнённого морфогенеза вступает в дейст-

* Татаринов Л.П. 2008. О некоторых принципах таксономии // *Палеонтол. журн.* 1: 3-6.

вие и эпигенетический фактор из тщательно скорреливанных генетических систем, в которые входят, в частности, гомеобоксы (Татаринов 2007). Классификация эвкариотических организмов обычно основывается на филогенетическом принципе, но принцип строгой монофилии с трудом реализуется на практике в случае широкого распространения параллелизмов, особенно при становлении таксонов высокого ранга (Татаринов 1976; Симпсон 2006).

Но в наше время существуют и попытки пользоваться критерием строгой монофилии как единственным строго научным критерием построения классификации групп любого ранга. Обычно считается, что начало этому положила замечательная книга В.Хеннига «Филогенетическая систематика», вышедшая на немецком языке ещё в 1950 году (Hennig 1950), но до её перевода на английский (Hennig 1965, 1966) остававшаяся почти неизвестной широкому читателю. После этого книга Хеннига получила невиданную популярность и стала основой нового «строго научного» направления классификации как современных, так и ископаемых организмов (Wiley 1981; Wiley *et al.* 1991). Объектом классификации, по Хеннигу, должна быть совокупность всех особенностей индивида на протяжении всей его жизни (голоморфия).

Принципы филогенетической классификации Хеннига, названной его последователями кладистикой, или кладистической классификацией, элементарно просты. Может быть, поэтому они и привлекли к себе внимание исследователей, по сравнению с явно усложнёнными принципами Симпсона. Хенниг подчёркивал, что филогенетическая система должна строиться только на выделении уникальных апоморфных признаков. Немногочисленные голоса противников слегка модифицированной Хенниговой систематики (Charig 1993; Татаринов 2004) буквально тонут в хоре его сторонников.

Но поклонники Хеннига забывают важное обстоятельство, ясно подчёркнутое Хеннигом: для каждой исторической эпохи нужно создавать свои классификации, которые по мере их удаления от современности будут всё сильнее отличаться от современной классификации. Это выбивает (или почти выбивает) краеугольный камень из современной кладистики, которая основана на объединении в один таксон даже крайне удалённых членов одной филогенетической ветви. В пределе кладистика стремится вывести все организмы из одного корня даже в случае происхождения эвкариотических клеток из нескольких корней. Такие факты показывают, что кладистические принципы в пределе недоказуемы, но они нисколько не колеблют уверенности кладистов в своей правоте.

Можно привести множество примеров, показывающих трудность или практическую невозможность нахождения общего корня у явно родственных организмов, предки которых разделены значительными

стратиграфическими разрывами. Один из примеров дают древнейшие амфибии (рис. 1; Carroll 2002).

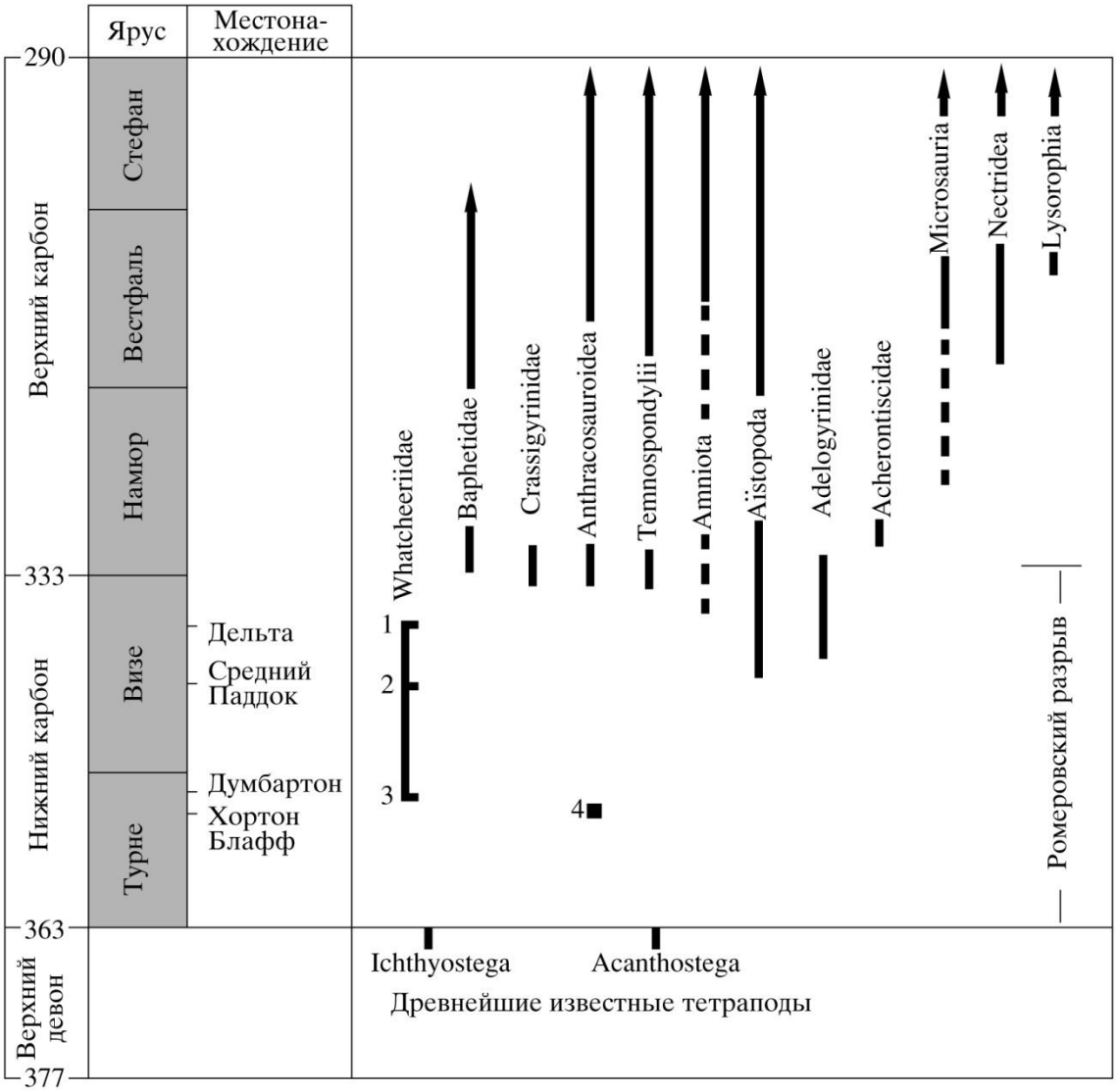


Рис. 1. Статиграфическое рапространение древнейших амфибий (из: Carroll 2002).

Особые трудности при распространении кладистических принципов на филогению возникают в случаях их применения, когда широко развиты параллелизмы при возникновении групп высокого ранга. Давно известен пример со становлением класса млекопитающих (Simpson 1959; Татаринов 1976). Симпсон (2006) добавляет это на многих примерах из других млекопитающих.

Симпсон (2006) формулирует общее правило, что в классификации монотипические таксоны только кажутся нам таковыми лишь из-за неполноты материала. Это правило, которое мы полностью разделяем, начисто игнорируют современные кладисты. Они, справедливо поражённые новейшими открытиями оперённых прогрессивных манирапторных теропод, предаются бесконечным, но мало продуктивным спорам, какой именно динозавр ближе всего подходил к птицам, и надо

ли кого-нибудь из этих динозавров относить уже к птицам. В качестве примера приведу замечательную, по описанному в ней материалу, статью Т.Марианской, Г.Осмулькой и М.Волсана (Maryanska *et al.* 2002). Но убеждённые кладисты в своей работе игнорируют любые трудности и конструируют предельно ясные кладограммы, обычно даже не ставя вопросов (рис. 2; Benton 1990).

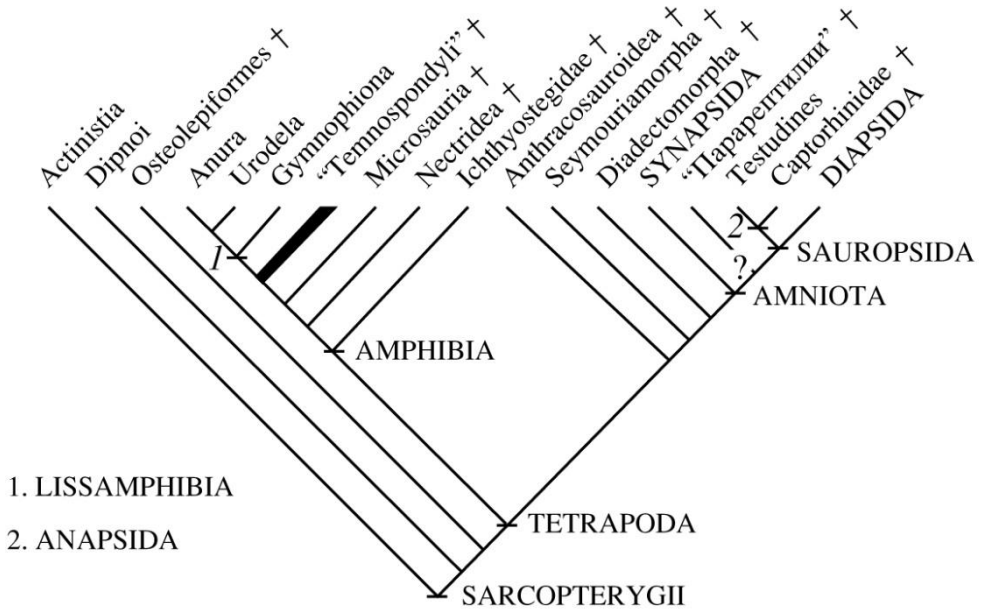


Рис. 2. Типичная кладограмма позвоночных (из: Benton 1990).

Я считаю небесполезным остановиться ещё на некоторых особенностях систематики и филогении высших категорий, сформулированных ещё Симпсоном (2006), но привлекающих и сейчас мало внимания. Симпсон указывает, что абсолютные определения высших категорий принципиально невозможны. Для каждой высшей категории существуют свои критерии и характеристики, но не строгие определения. Это, по мнению Симпсона, необходимое следствие иерархического принципа построения системы. Различные высшие таксоны в разной степени удовлетворяют требованиям кладистической монофилии. Симпсон (2006) разделяет, например, грызунов на 13 главных стволов, возникших практически одновременно, и в этом случае только условно можно говорить об их монофилии. Подобная, может быть, менее выраженная картина наблюдается и во многих других случаях, например, при происхождении млекопитающих.

Принципы монофилии грубо нарушаются и во множестве случаев деления животных и растений на типы, классы и подобные подразделения самого высокого ранга. Укажем в качестве примера кольчатых червей и членистоногих. Но для нас особенный интерес представляют общепринятые подразделения позвоночных надклассового уровня – челюстноротые рыбы, амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие.

Челюстноротых рыб можно объединять с амфибиями в надкласс анамний, а рептилий, птиц и млекопитающих – в надкласс амниот, но это ни в какой степени не делает систему позвоночных более удовлетворяющей требованиям кладистики и строгой монофилии. Острейшие дискуссии о птицах, развернувшиеся в последнее десятилетие, считать ли птиц самостоятельным классом или только одним из подразделений динозавров, носят, как мы указывали выше, исключительно формальный характер и не вносят в вопрос о надклассах позвоночных ничего принципиально нового.

Подведём итоги нашего обсуждения проблем систематики. Мы разделяем высочайшую оценку работы Хеннига (Hennig 1950), но, как это понимал и Хенниг, его труд рассчитан только на современных или других синхронных организмов. Для организмов различных эпох нужны особые системы. Странно, что это обстоятельство было полностью забыто современными кладистами, которые объединяют в своих системах родственных организмов самых разных, хотя обычно и близких геологических эпох, оперируя только набором апоморфных признаков, которые в ряде случаев могут оказаться и не вполне апоморфными. Правда, в некоторых случаях, главным образом при очень больших перерывах в геологической летописи, можно сравнивать методом Хеннига и гетерохронные организмы, даже относящиеся к разным эрам, родство между которыми совсем неясно. Более допустимо сравнение организмов, связанных лишь очень отдалённым родством, хотя полученные при этом выводы допускают различное толкование.

Вообще же для установления систематического положения всегда лучше пользоваться традиционным методом сравнения морфологии (а также физиологии, биохимии, экологии и вообще всех доступных признаков) изучаемых форм. В соответствии с этими принципами мы не ищем границу между амфибиями и рептилиями по строгим принципам монофилии, а пытаемся установить её по достигнутому уровню приспособления среди связанных родством групп (обычно, но не обязательно) к наземной жизни. Поэтому мы относим в класс Reptilia не только собственно рептилий, включая их отдалённых предков из нижнего карбона Шотландии *(Wetslotiana)*, но и парарептилий, и тероморф, и с некоторым сомнением также и сеймуриаморф. Мы вполне понимаем условность такой классификации, но, на наш взгляд, это лучше, чем делить традиционных рептилий на три или четыре самостоятельных класса.

Исследование поддержано Грантом Президента РФ для Ведущей научной школы НШ-6228.2006.4.

Литература

Опарин А.И. 1941. *Возникновение жизни на Земле*. М.; Л: 1-143.
Симпсон Дж.Г. 2006. *Принципы таксономии животных*. М.: 1-313.

Татаринов Л.П. 1976. *Морфологическая эволюция териодонтов и общие вопросы филогенетики*. М.: 1-259.
Татаринов Л.П. 2004. Современные тенденции в развитии филогенетических исследований // *Вестн. РАН* **62**. 6: 515-523.
Татаринов Л.П. (2007) 2019. Молекулярная генетика и эпигенетика в механизмах морфогенеза // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1755): 1626-1633.
Эйген М. 1973. *Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул*. М.: 1-216.
Benton M.J. 1990. Phylogeny of the major tetrapod groups: morphological data and divergence dates // *J. Mol. Evol.* **30**: 409-424.
Carroll R. 2002. Early land vertebrates // *Nature* **418**: 35-36.
Charig A.J. 1993. Recently proposed phylogenetic analyses of the Triassic Archosauria: a critical comparison and evaluation, facilitated by a simple technique for the modification of conflicting dendrograms // *Paleontologia Lombarda della Societa Italiana de Scienze Naturalie del Museo Civico di Storia Naturale di Milano.* Nuova serie **2**: 45-62.
Hennig W. 1950. *Grundzuge einer Theorie der phylogenetischen Systematik*. Berlin: 1-275.
Hennig W. 1965. *Phylogenetic systematics* // *Ann. Rev. Entomol.* **10**: 97-116.
Hennig W. 1966. *Phylogenetic systematics*. Univ. Illinois Press: 1-263.
Marianska T, Osmolska H., Wolsan M. 2002. Avian status for Oviraptosauria // *Acta palaeontol. pol.* **47**, 1: 97-116.
Simpson G.G. 1959. Mesozoic mammals and the polyphyletic origin of mammals // *Evolution* **13**: 405-414.
Wiley E.O. 1981. *Phylogenetics. The theory and practice of phylogenetic systematics*. N.Y.: 1-439.
Wiley E.O., Siegel-Causey D, Brooks D R., Funk V.A. 1991. The complete cladist. A primer of phylogenetic procedures // *Univ. Kansas Mus. Natur. Hist. Spec. Publ.* **19**: 1-158.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2198-2204*

Находка гнездовой колонии камчатской крачки *Sterna camtschatica* в Ольской лагуне летом 2010 года

И.В.Дорогой

*Второе издание. Первая публикация в 2012**

Камчатская, или алеутская крачка *Sterna camtschatica* Pallas, 1811 – редкий и малоизученный трансберингийский прибрежный вид, внесённый в Красную книгу Российской Федерации (2001), а также в ряд региональных Красных книг, в частности, в Красные книги Севера Дальнего Востока России (1998), Хабаровского края (1999), Сахалинской области (2000), Камчатки (2006), Магаданской области (2008)

* Дорогой И.В. 2012. Находка гнездовой колонии камчатской крачки в Ольской лагуне летом 2010 г. // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 2: 41-44.

и Чукотского автономного округа (2008). Для Магаданской области она была впервые указана в качестве гнездящегося вида В.В.Леоновичем (1976), обнаружившим летом 1972 года небольшие колонии на побережье Охотского моря вблизи устья рек Ойра и Широкая (примерно в 60-65 км к западу от Магадана). Впоследствии в указанном районе колонии камчатских крачек обнаружены летом 2004 и 2005 годов (Дорогой 2004, 2007). Кроме того, крупные колонии этих крачек, насчитывавшие от 50 до 100 пар, обнаружены на побережье Малкачанского залива в северо-западной части залива Шелихова летом 1997 года (Andreev, Kondratiev 2001) и в низовьях реки Яна летом 2008 года (Дорогой 2010).

В начале июля 2010 года колонию камчатских крачек численностью не менее 20 пар мы обнаружили на территории Ольской лагуны, примерно в 30 км к востоку от Магадана. Ряд сведений по интересующим нас вопросам был предоставлен Г.И.Атрашкевичем и М.Г.Хоревой (ИБПС ДВО РАН), которым мы выражаем искреннюю благодарность.

Ольская лагуна (рис. 1) является одним из важнейших мест концентрации водоплавающих и околоводных птиц на пути сезонных миграций на побережье Охотского моря и внесена в список охраняемых водно-болотных угодий Северо-Востока России (Андреев 2001). Регулярно наблюдая за птицами в указанном районе более 30 лет, мы лишь в начале лета 2005 года отметили около 40 камчатских крачек на косе Уйра, окаймляющей лагуну с юга, однако в дальнейшем птицы так и не приступили к гнездованию (Дорогой 2008). Кроме того, группа из 10 особей была встречена в юго-западной части лагуны в конце августа 2009 года (Г.И.Атрашкевич, устн. сообщ.).

Рис. 1. Ольская лагуна (вид из космоса). Стрелкой отмечен остров Сикулун.

В весенне-летний сезон 2010 года камчатские крачки появились в окрестностях лагуны с 10 по 15 июня и образовали гнездовую колонию на небольшом песчано-галечном островке Сикулун (59°33'40" с.ш., 151° 20'19" в.д.) в его юго-западной части (рис. 1). Этот островок представляет собой плоскую песчано-галечниковую косу длиной около 300 м, шириной от 40 до 80 м и высотой от 3 до 5 м. Во время больших отливов он соединяется с материковым берегом и доступен как для людей, так и для наземных хищников. На Сикулуне развита разнообразная растительность (более 20 видов), обычные виды – вейник Лангсдорфа *Calamagrostis langsdorffii*, колосняк мягкий *Leymus mollis*, дёрен шведский *Chamaepericlymenum suecicum*, чина морская *Lathyrus japonicus*, лапчатка земляниковидная *Potentilla fragiformis*, шикша *Empetrum nigrum*, крестовник ложноарниковый *Senecio pseudoarnica* и брусника *Vaccinium vitis-idaea*. Проективное покрытие составляет в среднем 80-90%, достигая 100% в центральной части островка.

С 11 по 24 июля мы нашли в общей сложности 16 гнёзд камчатских крачек. Судя по общему количеству птиц, одновременно наблюдаемых в воздухе при посещении колонии (примерно 40), можно предположить, что в колонии гнездилось не менее 20 пар. Предгнездовой период был растянут с середины июня до начала второй декады июля. Об этом свидетельствуют находки неполных кладок 11 июля, в то время как уже 8 июля в ряде гнёзд появились первые пуховички (Г.И.Атрашкевич, устн. сообщ.). Колония располагалась в восточной части островка, при этом её общая площадь не превышала 1/3 га. Большинство гнёзд (n = 10) были устроены на плоских вершинных участках, 5 гнёзд – в небольшой котловине и 1 – в низине на северо-восточной оконечности островка, всего в 5 м от уреза воды. Как правило, гнёзда располагались среди зарослей колосняка или вейника и лишь 2 гнезда были устроены на поляне, покрытой шикшей. Расстояние между некоторыми гнёздами составляло всего 50 см, хотя большинство гнёзд отстояли друг от друга на 5-10 м и более. Помимо камчатских крачек, на островке (за пределами колонии) гнездились, по меньшей мере, 5-6 пар тихоокеанских чаек *Larus schistisagus* (на северной и южной оконечностях островка), 3-5 пар сизых чаек *Larus canus* (в его возвышенной западной части – Г.И.Атрашкевич, устн. сообщ.), 2 пары речных крачек *Sterna hirundo* (там же), а также (как на территории колонии, так и вне её) 3-4 пары охотских сверчков *Locustella ochotensis*.

Гнездовые ямки (n = 15) представляли собой округлые углубления в грунте диаметром 9.5-12.5 см (в среднем 10.9 см) и глубиной 1-2 см (в среднем 1.7 см), выстланные сухими стеблями и листьями вейника Лангсдорфа. Толщина выстилки в гнёздах колебалась от 2-3 до 8-10 мм. Лишь в одном гнезде, помимо указанного материала, присутствовали сухие листья брусники. Одно гнездо было неправильной фор-

мы и представляло собой U-образную выемку от извлечённого из грунта камня глубиной около 2 см и длиной сторон по 10 см, лишённую какой бы то ни было выстилки. Интересно, что в этом гнезде было всего 1 яйцо и небольшой камень диаметром 2 см, по всей вероятности, принесённый птицей (рис. 2).

Рис. 2. Аномальное гнездо камчатской крачки *Sterna camtschatica*. Фото автора.

Заведомо завершённые кладки (n = 16) содержали: 3 яйца – 1 кладка (6.2%), 2 – 9 (56.3%) и 1 яйцо – 6 (37.5%); средняя величина кладки составляла 1.7 яйца. Размеры яиц (n = 25) 39.5-46.4×28.0-29.8, в среднем 43.12×28.98 мм и несколько отличались от аналогичных показателей для Камчатки (в среднем 43.9×29.1 мм – Лобков, Головина 1978) и Сахалина (в среднем 43.8×29.6 мм – Нечаев 1981) и были ближе к известным для Тауйской губы (в среднем 42.9×29.0 мм – Леонович 1976). Продолговато-овальные яйца имели песочно-зеленоватую окраску основного фона, по которому были разбросаны темно-бурые пятна продолговатой формы. Лишь у одного яйца была светло-песочная окраска с равномерно разбросанными мелкими коричневатыми пятнышками.

24 июля пуховички были примерно в трети всех гнёзд (рис. 3), а 26 июля в колонии было обнаружено всего 2 гнезда с яйцами. Последние яйца с проклёвками отмечены 30 июля, а последний птенец появился

на свет, по всей вероятности, 31 июля или 1 августа. Таким образом, процесс вылупления птенцов камчатских крачек был сильно растянутым и составил почти месяц. Вылупившиеся птенцы в первые сутки находились в гнезде, но начиная с 1-2-дневного возраста при появлении наблюдателя сходили с гнезда и прятались в зарослях дёрена.

Рис. 3. Гнездо камчатской крачки *Sterna camtschatica* с новорождённым птенцом. Фото автора.

Свободные от насиживания взрослые птицы регулярно приносили корм для птенцов (рис. 4), который добывали как на мелководных участках лагуны поблизости от колонии, так и в море, на удалении в несколько километров. В подавляющем большинстве случаев (более 100 наблюдений с 11 по 30 июля) это была молодь тихоокеанской сельди *Clupea pallasii*. Всего один раз мы наблюдали одиночную крачку, поймавшую небольшую рыбку (по всей вероятности, девятииглую колюшку *Pungitus pungitus)* в дельте реки Ола, примерно в 2 км от колонии. В отличие от речных крачек, камчатские выхватывали добычу только с поверхности или из верхних слоёв воды, опуская в воду клюв или переднюю часть тела, но не погружаясь полностью. Как правило, птицы приносили к гнёздам или птенцам по одной, реже по 2 рыбки размером около 10 см.

На появление человека вблизи колонии камчатские крачки реагировали относительно спокойно – снимались с ближайших гнёзд в 10-

15 м от наблюдателя и в течение нескольких минут летали кругами, издавая приглушенные щебечущие звуки *«черр, черр...»*, но вскоре садились обратно. Птицы, находившиеся в непосредственной близости от наблюдателя, время от времени пикировали, сворачивая всего в метре от головы человека и издавая при этом более пронзительные и резкие крики *«пcupp, пcupp...»*, и иногда поливали нарушителя спокойствия помётом. Гораздо более бурную реакцию вызывало появление в районе колонии крупных пернатых хищников – бургомистров *Larus hyperboreus* или сапсанов *Falco peregrinus*. В таких случаях почти все крачки поднимались в воздух и осуществляли коллективную защиту колонии.

Взрослая камчатская крачка *Sterna camtschatica* с добычей (молодь сельди *Clupea pallasii)*. Фото автора.

Первые слётки появились 10 августа, а к 25 августа колония опустела. Успешность гнездования нам не известна, но, вероятно, она была невелика, поскольку островок периодически посещается местными рыбаками и стаями бродячих собак.

Таким образом, летом 2010 года на территории Ольской лагуны впервые почти за 30 лет наблюдений была обнаружена колония камчатской крачки численностью не менее 20 пар. Площадь колонии, расположенной на острове Сикулун в его юго-западной части, составила около 1/3 га. Большинство гнёзд содержали по 2 яйца, основная масса которых, судя по времени появления на свет птенцов , была отложена с 20 июня по 10 июля. Основу рациона крачек в период выкармливания птенцов составляла молодь тихоокеанской сельди.

Литература

Андреев А.В. 2001. Водно-болотные угодья Северо-Востока России // *Водно-болотные угодья России*. М., **4**: 1-297.

Дорогой И.В. 2004. Гнездование алеутской крачки *Sterna aleutica* на юге Магаданской области // *Рус. орнитол. журн.* **13** (271): 827-828.

Дорогой И.В. 2008. Водоплавающие и другие околоводные птицы окрестностей Ольской лагуны // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 4: 45-62.

Дорогой И.В. (2007) 2018. Интересные орнитологические находки на юге Магаданской области // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1597): 1824-1832.

Дорогой И.В. 2010. К авифауне юга Магаданской области // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 4: 37-44.

Красная книга Камчатки. Т. 1. Животные. 2006. Петропавловск-Камчатский: 1-270.

Красная книга Магаданской области. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. 2008. Магадан: 1-429.

Красная книга Российской Федерации. Животные. 2001. М.: 1-862.

Красная книга Сахалинской области. 2000. Южно-Сахалинск: 1-192.

Красная книга Севера Дальнего Востока России. Животные. 1998. М.: 1-292.

Красная книга Хабаровского края. 1999. Хабаровск: 1-464.

Красная книга Чукотского автономного округа. Т. 1. Животные. 2008. Магадан: 1-235.

Леонович В.В. (1976) 2015. Новое место гнездования камчатской крачки *Sterna camtschatica* // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1224): 4440-4441.

Лобков Е.Г., Головина Н.М. 1978. Сравнительный очерк биологии камчатской и речной крачек на Камчатке // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **83**, 6: 27-37.

Нечаев В.А. 1981. Распространение и биология камчатской крачки *Sterna camtschatica* Pall. на острове Сахалин // *Редкие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 47-55.

Andreev A.V., Kondratiev A.V. 2001. Birds of the Koni-Pyagyn and Malkachan Areas // *Биоразнообразие и экологический статус северного побережья Охотского моря*. Владивосток: 87-122.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2204-2208*

Врановые птицы Пермского края и их взаимоотношения с пернатыми хищниками региона

А.И.Шепель

*Второе издание. Первая публикация в 2017**

В Пермском крае обитают 8 видов семейства врановых Corvidae.

Кукша *Perisoreus infaustus*. Гнездилась в Чердынском районе (Резцов 1904), отмечена на реке Колве (Теплоухов 1911) и в окрестностях села Редикорское (Митрофанов 1913). А.И.Душин (1935) и П.Г.Ефремов (1935) отмечали её в Верхнекамском районе, позднее В.Н.Сотни-

* Шепель А.И. 2017. Врановые птицы Пермского края и их взаимоотношения с пернатыми хищниками региона // *Экология врановых птиц в естественных и антропогенных ландшафтах Северной Евразии*. Казань: 244-247.

ков (2006) её там не встречал. Е.М.Воронцов (1949) в Пермской области южную границу гнездования кукши проводил по 58° с.ш. Нами она отмечалась только в северо-западных районах, Гайнском и Чердынском.

Сойка *Garrulus glandarius*. Была и остаётся обычной, широко распространённой птицей региона (Ушков 1927; Воронцов 1949; наши данные). Гнездится в Балатовском лесопарке города Перми (Матвеева, Казаков 2008).

Сорока *Pica pica*. Л.П.Сабанеев (1874) приводит мнение Э.К.Гофмана, что сорока идёт на север вместе с людьми и стадами оленей. В бывшем Чердынском уезде отмечалась у города Чердынь, по реке Вишере встречалась до посёлка Акчим, залетала в посёлок Усть-Улс (Резцов 1904), гнездилась под Искором и в Ныробе, севернее не найдена (Теплоухов 1911). Е.М.Воронцов (1949) отмечал, что сорока распространена в Прикамье широко и прослежена до Чердыни и Ныроба. В настоящее время северные пределы распространения сороки в Пермском крае связаны с поселениями человека, а также местами временного его пребывания (рубка леса, разработка полезных ископаемых и др.). В центральных и южных районах региона она является обычной птицей. Первое гнездо сороки в городе Перми было отмечено в сквере оперного театра в 1973 году, хотя по кустарниковым зарослям городских речек и «мичуринским» садам её гнездование было обычным и ранее (Болотников, Пудова 1981).

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Л.П.Сабанеев (1874) писал, что «во всей России вряд ли найдётся другое место, где бы кедровки были бы настолько обыкновенны, как на севере Пермской губернии». Позднее С.Л.Ушков (1927) нашёл её на реках восточной части региона и писал, что птица «отсутствует, видимо, в лесах правого берега р. Камы и в местности южнее г. Перми». Е.М.Воронцов (1949) проводил южную границу области гнездования кедровки по 58° с.ш. В настоящее время кедровка в гнездовой период встречается в Юрлинском, Кочевском, Косинском, Гайнском, Чердынском, Красновишерском, Александровском, Усольском и Кизеловском районах. В Перми встречается не каждый год в период кочёвок.

Галка *Corvus monedula*. Л.П.Сабанеев (1874) и Е.М.Воронцов (1949) считали галку в Пермском Прикамье распространённой повсеместно по всему региону и гнездящейся повсюду вблизи населённых пунктов или в них самих. С.Л.Ушков (1927) отмечал особенности птиц, обитающих вдали от населённых пунктов, как правило, в пределах речных и других обрывов. В настоящее время галки в крае распространены повсеместно и связаны с жильём человека. В то же время крупные поселения формируются в средней и южной части края в обрывистых берегах рек и крупных логов. В городе Перми и пригороде галка распространена повсеместно.

Грач *Corvus frugilegus*. В Пермском крае проходит северная граница распространения этого вида. Л.П.Сабанеев (1874) отмечал, что «настоящее местообитание грача – южная часть Пермской губернии». Е.М.Воронцов (1949) писал, что грач широко распространён в Прикамье, но в северных, особенно северо-восточных районах встречается редко, местами случайно. А.И.Шураков с соавторами (1989) считал, что грач за 60° с.ш. практически не гнездится. В то же время ещё в начале XX века С.А.Теплоухов (1911) наблюдал его у Чердыни. Наши северные регистрации колоний относятся к посёлку Мутиха Красновишерского и посёлку Вильгорт Чердынского района. В городе Перми грач был обычен, в последнее время отмечена тенденция к исчезновению вида с территории краевого центра.

Серая ворона *Corvus cornix*. В Пермской губернии, по оценке Л.П. Сабанеева (1874), серая ворона принадлежала к числу довольно редких птиц. В середине XX века Е.М.Воронцов (1949) отмечал, что она распространена широко, но связана с населёнными пунктами, вдали от которых редка и наблюдается главным образом в речных поймах. В настоящее время серая ворона встречается в крае повсеместно, нет её только в тех местах, где нет человека или следов его пребывания. На гнездовании в Перми появилась в 1960-е годы (Матвеева и др. 2002).

Таблица 1. Использование хищными птицами гнёзд врановых на территории Пермского края в 1976-1986 годах

Вид хищной птицы	Общее число гнёзд	Использование гнёзд врановых					
		Сорока	Кедровка	Галка	Грач	Серая ворона	Ворон
Осоед *Pernis apivorus*	5	-	-	-	-	2	-
Чёрный коршун *Milvus migrans*	47	-	-	-	-	1	-
Канюк *Buteo buteo*	145	-	-	-	-	46	-
Чеглок *Falco subbuteo*	41	-	3	-	-	36	-
Дербник *Falco vespertinus*	2	-	-	-	-	1	-
Кобчик *Falco vespertinus*	2	-	-	1	-	1	-
Сапсан *Falco peregrinus*	14	-	-	-	-	-	4
Пустельга *Falco tinnunculus*	153	13	-	3	10	127	-
Ушастая сова *Asio otus*	161	18	-	-	-	139	-
Всего	570	31	3	4	10	351	4

Ворон *Corvus corax*. В Пермской губернии в конце XIX века, по оценке Л.П.Сабанеева (1874), был распространён «почти одинаково с серой вороной», хотя встречался несколько севернее. В то же время этот же автор отмечал, что ворон на севере региона встречается гораздо реже, чем в южных его частях. Е.М.Воронцов (1949) нашёл его обычной широко распространённой птицей. В настоящее время он встречается повсеместно и является обычным гнездящимся оседлым видом края. В Перми последние десятилетия ворон встречается повсеместно.

Хищные птицы на территории региона представлены 24 видами соколообразных и 11 видами совообразных, из них 9 видов используют гнездовые постройки врановых птиц, которые составляют 65%, наиболее часто используются гнёзда серой вороны – 61%. (табл. 1).

В то же время врановые являются объектами питания многих пернатых хищников (табл. 2).

Таблица 2. Содержание врановых в спектре питания хищных птиц и сов Пермского края (%)

Вид хищной птицы	Годы исследований	*N*	Трофические объекты							
			Сойка	Сорока	Кедровка	Галка	Грач	Серая ворона	Ворон	Врановые, не определены
Коршун	1976-1981	1712	0.2	0.7	–	–	–	0.7	–	–
Тетеревятник	1980-1985	430	1.2	3.5	–	3.0	–	8.1	–	6.3
Перепелятник	1976-1989	479	–	–	–	–	–	0.2	–	0.2
Канюк	1977-1984	3050	–	0.1	–	–	–	–	–	–
Беркут	1984	382	–	–	–	–	40.7	14.8	–	–
Сапсан	1985-1989	1262	–	–	0.5	3.4	1.8	5.0	–	0.9
Филин	1977-2012	7800	0.1	0.2	0.2	3.1	0.4	1.6	0.1	0.3

Таблица 3. Гибель яиц и птенцов в гнёздах хищных птиц, разорённых серой вороной в 1976-1996 годах

Вид	Гибель					
	Яиц	Доля от всех погибших,(%)	Птенцов	Доля от всех погибших,(%)	Всего	Доля от всех погибших,(%)
Чёрный коршун	15	51.7	2	6.3	17	27.8
Канюк	18	31.0	2	5.0	20	20.4
Пустельга	31	19.6	18	16.1	49	17.8
Чеглок	12	55.5	1	12.5	13	43.3
Ушастая сова	32	18.8	19	13.2	51	20.6
Всего	108	24.4	42	12.1	150	21.1

Следует отметить, что у отдельных пар сапсана *Falco peregrinus* в спектре питания доля грача достигала 30%, а галки до 40%. У беркутов *Aquila chrysaetos*, гнездящихся в северных районах края, врановых среди добычи не было, единственная пара, обитавшая в южной половине региона, специализировалась на грачах и серой вороне.

В то же время гнёзда 5 видов пернатых хищников разоряет серая ворона (табл. 3). Чаще всего наблюдается гибель яиц и птенцов у пустельги *Falco tinnunculus* и ушастой совы *Asio otus*.

Литература

Болотников А.М., Пудова Г.Ф. 1981. О специфике гнездовой жизни птиц центра большого города // *Гнездовая жизнь птиц*. Пермь: 40-45.

Воронцов Е.М. 1949. *Птицы Камского Приуралья*. Горький: 1-113.

Душин А.И. 1935. Птицы и промысловые млекопитающие Кайского района Кировского края // *Учён. зап. Горьковского ун-та* **4**: 19-58.

Ефремов П.Г. 1935. Некоторые данные по орнитофауне Кайского района // *Учён. зап. Горьковского ун-та* **4**: 59-65.
Матвеева Г.К., Казаков В.П. 2008. Птицы Балатовского лесопарка // *Перм. аграрный вестн.*, **1**: 176-182.
Матвеева Г.К., Масленников В.Н., Чиртулов И.В. 2002. Гнездование серой вороны и сороки в некоторых городах Пермской области // *Врановые птицы в антропогенных ландшафтах*. Саранск: 88-90.
Резцов С.А. 1904. Птицы Пермской губернии (Северный район: уезды Верхотурский и Чердынский) // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи* **4**: 43-185.
Сабанеев Л.П. 1874. *Позвоночные Среднего Урала и их географическое распространение в Пермской и Оренбургской губерниях*. М.: 1-204.
Сотников В.Н. 2006. *Птицы Кировской области и сопредельных территорий*. Том 2. Воробьинообразные. Часть 1. Киров: 1-448.
Теплоухов С.А. 1911. Материалы по орнитофауне Пермской губернии (Северная часть Чердынского уезда: верховья рр. Колвы и Печоры с Уньей // *Приложение к протоколам заседания Общ-ва кстествоиспыт. при Казан. ун-те* **266**: 1-45.
Ушков С.Л. 1927. Список птиц Пермского округа Уральской области // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **36**, 1/2: 68-116.
Шураков А.И., Шураков С.А., Бушуев В.Л. 1989. Врановые // *Животный мир Прикамья*. Пермь: 101-105

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1769**: 2208-2209*

Первая встреча стайки усатых синиц *Panurus biarmicus* в Лотошинском рыбхозе (Московская область)

В.П.Авдеев

Второе издание. Первая публикация в 2019[*]

На прудах Лотошинского рыбхоза (Лотошинский район, Московская область) усатые синицы *Panurus biarmicus* начиная с 1999 года встречены 3 раза – поодиночке и парами (база данных Программы, см. также: Авдеев 2018).

23 сентября 2018 в тростниках, растущих вдоль дамбы, проходящей между 3-м и 4-м прудами рыбхоза, В.П.Авдеев и П.Ю. Пархаев встретили стайку усатых синиц из 9 птиц. Ширина полосы тростников вдоль дамбы в этом месте составляла 5-15 м, а восточная часть этих прудов практически вся заросла тростником. Стайка пролетела над тростниками и села в них недалеко от нас. При воспроизведении песни отдельные птицы подлетали ближе, заинтересованно откликались и корми-

[*] Авдеев В.П. 2019. Первая встреча стайки усатых синиц в Лотошинском рыбхозе // *Московка* **29**: 36.

лись рядом. Мы воспроизводили песни почти 2 ч, и всё это время усатые синицы держались в 2-3 м. Иногда они пропадали из вида, а потом оказывалось, что они кормились в основании тростника на расстоянии 2-3 м от нас, не издавая никаких звуков. На весшинах тростника чаще показывались самцы (3 птицы точно) (см. рисунок), реже самки, а возможно, это были молодые птицы. По утверждению Я.А.Редькина, чёрных спин, как у только что вылетевших из гнезда слётков, в это время у птиц уже быть не должно, так что это вполне могла быть семейная стайка. У одной самки на спине видна размытая тёмная полоса (рисунок). Характерен ли этот признак только первогодкам, не ясно и требует специального изучения. Встречается такая особенность редко и, по литературным данным, более свойственна западным усатым синицам *P. b. biarmicus*.

Усатые синицы *Panurus biarmicus*. Слева – самец, справа – самка с тёмной полосой на спине. Лотошинский рыбхоз. Московская область. 23 сентября 2018.

Литература

Авдеев В.П. 2018. Новые встречи усатой синицы *(Panurus biarmicus)* в Московской области 2018 г. // *Московка* **28**: 59-60.